

Татьяна Серганова

Айвири.
ВЫБОР СЕРДЦА

Татьяна Серганова

Айвири. Выбор сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68951943

SelfPub; 2023

Аннотация

В мире вечного лета лишь двуликие воины могут спасти нас от ледяных демонов севера. Но даже их силы не безграничны. Меня зовут Айвири. С рождения я ношу на себе печать богини, что определяет мою жизнь и судьбу. Но однажды на земли Иллиума придёт воин и это изменит мир.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	15
Глава третья	26
Глава четвёртая	41
Глава пятая	54
Глава шестая	69
Глава седьмая	84
Глава восьмая	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Татьяна Серганова

Айвири. Выбор сердца

Глава первая

Ликаны пришли неожиданно.

За две недели до оговоренного срока, когда никто не ждал.

Первой их заметила Даринка. Коротко взвизгнула, роняя тяжелую плетёную корзину на землю. И алые крупные ягоды дикой малины рассыпались по изумрудной траве, теряясь в лопухах. Ягоды были ароматными, сладкими и терпкими. И собирали мы их с девочками всё утро, изнывая от яркого летнего солнышка.

За Дариной заголосили другие, замельтешили, бросаясь ко мне со всех сторон, прячась и цепляясь за тёмную юбку.

Мой возглас: «Все ко мне!» – был уже не нужен. Все и так были рядом. Жались друг к другу, дрожали, с испуганным любопытством выглядывая из-за спины, пытаясь разглядеть приближающихся всадников. Слава Лаари, ликаны не так часто приходят на земли Иллиума.

– Ничего, не бойтесь, – добавила я, погладив ладонью по макушке Алию, выпрямляясь и задирая подбородок. – Они ничего нам не сделают.

– Стра-а-а-ашно, – промычала всё та же Дарина со слезами на глазах и закусила зубами уголок белого платочка.

– Всё будет хорошо, – пообещала я.

А всадники всё прибывали, уже целая толпа выехала на небольшую лесную полянку, застыв у её кромки. Не два, не пять или десять. Пара сотен статных воинов в тёмно-синих плащах и в полной боевой амуниции. И лошади у них были странные, такие непохожие на наших. С мохнатыми ногами, мощные и коренастые. Они больше походили на быков. И хрипели они жутко. Плюс ко всему доспехи звенели очень угрожающе.

Лаари, каким ветром их сюда занесло, да еще так далеко от основной дороги?

Ручки детей сжимали мою юбку все сильнее. Я чувствовала их дрожь и помочь ничем не могла. Нельзя бежать. Ни в коем случае нельзя.

Ликаны – дикие, суровые воины, другие просто в Ардане не выживали. И правила гласили: бежать нельзя, смотреть в глаза опасно, первыми не заговаривать и вообще всеми силами стараться не попадаться им на пути. Выполняют задуманное и уйдут, оставив лишь слёзы после себя.

Тут от войска отделились три всадника, которые медленно двинулись вперёд.

– Света и жизни, – поприветствовал нас самый старший из них. Плотный, широкоплечий мужчина с большой густой бородой, украшенной тоненькими косичками.

Приветствие правильное, верное, но страх и тревога никуда не делись. Да еще метка на запястье вспыхнула, словно предупреждая.

– Жизни и света, – ответила я тихо. – Вы рано.

Еще две недели. Две недели до великого сбора, когда дома княжества заполнят слёзы и стенания матерей, когда сыны Иллиума покинут свою родину, чтобы уйти за снежный перевал в вечный холод Ардана.

Как же так? Как? Почему?

И еще свадьба эта... Завтра ведь должна быть, специально запланировали до сбора. Отец так к ней готовился, гостей созвал. Как праздновать союз двух сердец, когда всё княжество рыдать будет?

– Не мы решаем, – поправляя толстую золотую косу, огрызнулась девица, которая находилась посредине.

Виданное ли дело, чтобы дева в латах сверкающих на лошадях ездила и сражалась наравне с мужчинами?

Но её это совершенно не смущало. Сидела на лошади как влитая, губы кривила и на меня посматривала.

– Ты лучше скажи, девушка-красавица, как нам до замка князя добраться? – ласково заговорил третий.

Красивый. Золотые кудри, улыбка до ушей и ямочка на щеке. А мне еще тревожнее стало. Таких бояться надо. Не из-за воинской мощи, а из-за речей ласковых, обещаний сладких. Такой любит ярко, как вспышка, а потом так же быстро охладевает, переключаясь на новую красавицу.

– Так недалече, – пискнула Фанечка, смешливая девочка с крохотными косичками, которые торчали в разные стороны, и россыпью солнечных веснушек на курносом носу.

– Тсс, – зашипела Лила, ткнув малышку в бок локтем, из-за чего та ойкнула и снова ко мне прижалась.

– Так за холмом – город и замок князя, – ответила я, подбородком дёрнув в нужную сторону. – Только тут вы через лес не пройдёте. Тропинка есть, но она узкая и петляет. Вам по-другому надо.

– Какому другому?

Голос раздался сзади. Девчонки только успокаиваться начали, а тут опять взвизгнули, шарахнулись, едва с ног меня не сбив.

Обернулась и застыла, чувствуя, как гулко застучало сердце в груди.

Ликан.

Молодой, волосы короткие, темные, назад зачёсанные, открывая лоб, и лишь одна прядка выбилась, упала прямо на глаза. Дымчато-серые, внимательные, с чёрным ободком вокруг радужки.

Я как взглянула в них, так и пропала. Забыла обо всех правилах и запретах, о страхе и девчонках, что снова за меня цеплялись. Лишь метка на руке вспыхнула огнём, предупреждая.

Она и отрезвила, заставила взгляд отвести, отступить.

На мужчине тоже был тёмно-синий плащ и доспехи тём-

ные, а в руках – корзинка знакомая, наполовину ягодками заполненная.

Как же он за спиной оказался? Когда успел подойти, ведь не было никого. А мы прозевали.

Я слышала о том, что ликаны могут двигаться бесшумно, но всё равно замерла, застыла.

– Итан, прекрати. Совсем девушку запугал, – рассмеялся тот, золотоволосый, с ямочкой на щеке, пытаюсь привлечь к себе внимание. – Как зовут тебя, красавица?

Я медленно обернулась.

– А это, лэр, неважно, – пробормотала я в ответ и уже громче добавила: – Вам надо вернуться назад, за оврагом будет небольшой просёлок, по нему и доберётесь до деревушки, а оттуда до княжеского замка рукой подать.

– Проводить нас не хочешь?

– Нельзя нам. И возвращаться пора, – прижимая к себе девчонок, отозвалась я. – Мы по тропинке пойдём.

– Что мы, сами дороги не найдём? – раздраженно заметила девица, убирая косу назад. – Пускай бежит. На ногах от страха едва стоит, того и гляди окочурится.

Я проглотила рвущиеся с губ возражения. Уж лучше пусть так и считают. Спокойнее.

– Мы можем идти? – уточнила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Можете, – отозвался сероглазый и корзинку мне протянул.

Девочки затихли и даже держаться за меня перестали. Я шагнула вперёд, подходя ближе, но не сильно, так, чтобы дотянуться можно было. И в глаза не смотрела, изучая металлическую брошь на плаще. Странная она какая-то, зверь невиданный, страшный, оскалившийся. На кошку чем-то похожий.

Дотянулась и ахнула, когда наши руки вдруг соприкоснулись. Ни искр, ни дрожи, а в сердце что-то ёкнуло. И рука у него неожиданно тёплая и в то же время сухая, не липкая.

Корзинка выскользнула и непременно бы упала, рассыпая по траве остатки наших трудов, да он не дал. Перехватил у самой земли, удержал и снова мне протянул. А по губам вдруг улыбка скользнула, мимолётная, легкая, и сердце будто ухнуло куда-то.

Прости меня, Лаари. Прости дочь свою неразумную. Говорят, что у каждой послушницы нервы перед посвящением шалют и глупости тянет делать, но я не верила. А теперь поняла, и так стыдно стало. Я всегда знала свою судьбу и всегда легко её принимала, несмотря на слёзы рано ушедшей матери и боль отца. Так было раньше, так будет и впредь.

– Спасибо, – отозвалась едва слышно, беря корзинку с краю, и повернулась к затихшим девчатам. – Надо идти.

Мы свернули на тропинку, что змейкой тянулась с поляны к лиственному лесу. Они впереди, а я следом. Шла, едва не спотыкаясь, спиной чувствуя взгляд серых дымчатых глаз.

Так хотелось оглянуться, но нельзя. Скрытая длинным ру-

кавом, горела на запястье печать Лаари, напоминая о моей предопределенной судьбе.

До деревни мы добрались быстро. Никто не пищал, не просил подождать и не жаловался на усталость. Мы истратили последние силы, но бежали, стремясь как можно скорее предупредить город о приходе ликанов.

Девочки разлетелись по домам, прихватив с собой корзинку с остатками ягод, а я поспешила к замковым воротам, расталкивая людей, что медленно брели по булыжным мостовым. Кто-то ругался, а кто-то пытался посылать в спину проклятья, но они тут же затихали и вслед мне неся шёпот:

– Лэра Айвири... Лэра Айвири...

И уже никто не смел стоять у меня на пути.

Я так спешила, что едва не налетела на начальника караула.

– Вы? – ахнул он, поддерживая меня и не давая упасть.

И тут же отшатнулся, почтительно склонив голову, пробормотал:

– Света и жизни, лэра.

– Ликаны, – едва дыша от быстрого бега, прохрипела я. –

Ликаны идут.

И над городом тоскливо запел горн.

Итан Ларкас

– И как так получилось, что великий и могучий Итан Ларкас заблудился и повёл свой отряд не туда? – ехидно поин-

тересовалась Джилия, сверкнув светло-голубыми, как снега Ардана, глазами. – А ведь я предупреждала, что мы не туда свернули, что карта о другом говорит. А ты заладил: надо туда, надо туда. И куда привёл? В тупик. Столько времени зря потратили. Да еще на жаре. Ненавижу это солнце!

– Мы уже неделю в пути. У кого угодно в голове помутится, – заметил Феб примирительно.

– Да еще на солнцепёке, – закивал могучий Калёб. – Ну заплутали чуток, так не страшно. До замка князя Рогнара совсем немного осталось. Отдохнём, поедем нормально, выспимся на перинах, а не жёстких спальниках.

– Угу. Уверена, что к нашему приходу уже всё княжество рыдать будет, – продолжала ворчать девушка. – Зря девку отпустили.

– Что, её насильно держать? – спросил силач, теребя тонкую косичку на бороде. – И так испугалась. Ликанов тут тридцать лет никто не видел. И девоньки при ней малые, со страху чуть не попадали. Куда их с собой брать? На горбу нести – так орать будут. Не очень удачный въезд в город будет. Еще с вилами бросятся.

– А я бы познакомился поближе с девушкой, – усмехнулся Феб, блестя серо-зелёными глазами. – Интересный экземпляр... вроде обычная, а есть в ней какая-то статья.

– Какая статья? Деревенщина, и только, – отрезала Джилия.

– Не скажи. Держалась как с нами? Будто княжна. А воло-

сы какие? Словно черешня тёмная... а глаза... нет, Джилия, не так проста эта девица, помяни моё слово.

– Кто о чём, а Феб о бабах, – ухмыльнулась она в ответ. – А мне она всё равно не нравится. Неправильное в ней что-то. Уверена, сейчас растрезвонит всем о нас. Опять в воющий город заходить. Итан, ты чего молчишь-то?

Молодой мужчина, что всё это время продолжал стоять на тропинке, по которой убежала незнакомка, медленно обернулся, держа между пальцев сочную ягоду дикой малины.

– А что ты хотела, Джилия? Чтобы нас с цветами встречали, радовались и песни пели? – спросил он, и остальные невольно стихли. – Так не будет этого. Ни сейчас, ни потом.

Она осеклась, закусив губу, но сдаваться не собиралась.

– Мы не по собственной воле это делаем.

– Но кого это волнует? Так что не злись на них из-за слёз. Они имеют на это полное право, – заметил Итан и снова повернулся к тропинке.

Как там сказала Джилия? Ошибся? Пошёл по неправильному пути? Чутье обмануло? Да разве это правда?!

Мужчина не был в этом уверен, скорее наоборот. Там, на развилке, его словно потянуло сюда. А каждый ликан знает, что надо следовать зову своего сердца, что бы оно ни шептало. Поэтому он сошел с пути, свернул на неприметную тропинку и шел, сам не зная куда и зачем.

Итан почти отчаялся, решил дать команду вернуться, когда услышал детские голоса, смех и тихую песенку. А потом

увидел её.

Худенькая, стройная, в простеньком платье, так не похожая на женщин Ардана. Да вообще ни на кого не похожая.

Феб сказал, что никогда не видел таких волос. Да, они у неё были необычные, словно спелая черешня, тёмно-вишневые, сверкающие на солнце. Но не их великолепие поразило Итана, а глаза девушки. Ярко-синие. Как бутоны андерин...

Этот красивый цветок рос лишь на склонах Ардана. Несмотря на нежные соцветия и кажущуюся хрупкость, растение было невероятно выносливым, морозостойким, и лишь оно могло выжить в условиях холода, который с каждым годом становился всё жёстче.

Именно поэтому отряд пришёл раньше положенного срока. Несмотря на ожесточённое сопротивление и затраченные силы, стужу с каждым годом всё труднее сдерживать. Снег уже добрался до предгорья, туда, где еще недавно царила вечная весна.

Давно надо было признаться, что они не справляются, но что делать дальше, никто не знал. Именно поэтому в этот поход верховный антур отправил своего младшего сына. Не только в качестве главы отряда, но и как представителя ликанов в совете. Надо было убедить князей, что, если изменений не последует совсем скоро, спасти будет уже нечего.

– Пора в дорогу, – произнёс Итан, коснувшись металлической броши на груди.

Родовой знак Ларкасов. Родовой зверь.

А незнакомку он обязательно найдёт. Ликаны никогда не упускают своей добычи.

Глава вторая

– Я просил тебя не выходить!

Я молча перебирала пальцами ягоды малины. Домашняя, она была крупнее лесной, но не такой сладкой. Хотя и выглядели ягоды идеально: яркие, правильной формы, ни одного изъяна – всё самое лучшее на стол князя Рогнара. Но они не пахли солнцем и лесом, не были такими сладкими и терпкими, что во рту становилось даже немного горько.

– Разве я здесь в клетке? – тихо спросила я и поднесла к губам ягоду.

– Ты же знаешь, на какой риск я пошел, чтобы ты оказалась здесь сегодня!

– Знаю.

И как бы сильно ни любила отца, как бы ни скучала, но не просила этого. Мне хватило смешков и косых взглядов за спиной, когда мать-настоятельница объявила о моём отъезде, и это накануне посвящения! Но то, что не позволено другим, возможно для старшей дочери одного из тридцати князей.

Мы оба знали об этом, и оба старались не поднимать эту тему. А сегодня вот коснулось.

– И ты нарвалась на ликанов.

А вот это точно не моя вина. Никто не ждал их так рано, и

тем более никто не думал, что они заплутают в трёх березах и выйдут на лесную полянку, где мы собирали ягоды.

– Не по своей вине.

– А если бы они...

– Ничего они сделать не могли, – возразила я, поднимая на отца глаза. – Ты же знаешь, что это сказки. Ликаны при-были сюда не для того, чтобы девок по углам тискать. Да и не тронут они меня.

– Ну да, в тех лохмотьях в тебе бы сразу княжескую дочь признали, – фыркнул он, усаживаясь в кресло.

Отец беспокоился обо мне, волновался. Больше, чем за остальных своих детей, отказываясь признавать, что я давно выросла. И что с рождения ему не принадлежала.

– Ты же понимаешь, что дело не в одежде, – отозвалась я, дёрнув рукой, и рукав богатого платья сполз, обнажая запястье, на котором темнела круглая метка.

Он лишь раз глянул и тут же отвернулся, уставившись в окно.

– Один из них спрашивает о девушке с волосами цвета тёмной черешни.

Глупенькое сердечко замерло на мгновение. Но всего лишь на мгновение. Я ведь знала, кто меня искал. Только значения это не имело.

– И что? Ты думаешь, ему кто-нибудь расскажет?

– Не посмеют. Но из покоев не выходи. И вообще, лучше будет, если ты завтра утром отправишься в обитель.

Против этого я не возражала. Права была мачеха: не стоило мне приезжать. Но мысль о том, что видимся в последний раз, что больше никогда не вернусь в отчий дом, вызывала слёзы на глазах.

– А свадьба? Она состоится? – спросила тихо, переводя разговор на другую тему.

Отец вздохнул:

– Ты же знаешь, как Айва ждала этого дня.

Кто ж не знал Замок на ушах вот уже полгода стоит. С тех самых пор, как молодой княжич приехал к отцу сватать его младшую дочь.

– Знаю. Но... сбор всё-таки. Как можно веселиться, когда слёзы кругом?

– Это наша доля, Айвири. Да и гости все собрались. Не выгонять же их. Все князья откликнулись на наш зов, – произнёс отец и, вдруг помрачнев, добавил: – Наш и ликанов.

Я едва не выронила ягодку, удивленно на него взглянув.

– А при чём тут ликаны?

– Они совет просили созвать.

– Зачем? Что им нужно? Какие еще условия они хотят выдвинуть?

– Не знаю. – Он потёр лоб, словно пытаюсь сосредоточиться.

И я, повинувшись порыву, вскочила со своего места и поспешила к нему. Присела на подлокотник, обняла и сразу же открыла дар, который мягко коснулся его, стирая болезненные

ощущения и тревогу.

– Ты всё обо мне заботишься? – благодарно улыбнулся отец, сжав мою руку.

– А как же иначе.

Мачехе я никогда не доверяла.

– Как же я буду без тебя, дочка?

Я вздохнула:

– Мы будем скучать. Но у тебя есть Айва и Оргус. Глядишь, и внуки скоро пойдут. Они не дадут тебе тосковать. Так зачем ликаны просят созвать совет?

– Ходят слухи, что демоны севера стали сильнее... Зима всё дальше распространяется по миру, Айвири. Сдерживать её всё сложнее. Надо что-то менять.

– Но что? Ещё больше увеличить список? Так это не выход. Люди не выстоят против ледяных демонов. Лишь ликаны способны на это. А мы... мы как мясо.

– Будем ждать знака Лаари. Богиня не оставит нас в беде.

– Я знаю, папа, знаю.

Он поймал мою ладошку и прижал к губам, как раз там, где чуть выше на запястье стояла темная печать богини.

– Ты так похожа на свою мать, – вздохнул отец едва слышно и отпустил меня.

Я в ответ грустно улыбнулась и встала, поправляя ткань платья.

– Мне лучше вернуться в свои покои.

– Я навещу тебя вечером.

– Хорошо.

Печать Лаари – это великий дар и большая честь для семьи, где рождается такая девочка. Сама богиня благоволит этому дому, отдав часть своей благодати.

А для отца и моей семьи – это боль.

Князь Рогнар и княгиня Нея ждали рождения своего ребёнка долгих десять лет. Это был счастливый брак, супруги любили друг друга, и лишь отсутствие детей омрачало их жизнь.

Десять лет молитв и тоскливого ожидания, когда надежды уже не было. Княгиня даже провела полгода в храме, прислуживая послушницам. Обещала, что заплатит любую цену, отдаст всё что угодно, лишь бы познать радость материнства.

Её желание сбылось. Лаари услышала молитвы несчастной княгини, и она забеременела. Девять месяцев томительного ожидания, и на свет появилась я. Здоровая, крепкая девочка... с печатью богини на руке.

Матушка прожила сутки, не в силах выдержать правды. Богиня выбрала свою цель, одарила и отняла одновременно. В девять лет мне, как и всем послушницам, предстояло оставить семью и уйти в храм.

Есть дочь – и в то же время нету. Как такое пережить?

Отцу пришлось жениться снова. Ему нужен был наследник, а не призрак дочери, которая никогда не будет принадлежать никому. Когда мне было три года, родилась Айва, еще через пять лет – Оргус.

Но для папы я навсегда осталась его маленькой девочкой, так похожей на любимую жену. Именно поэтому он все эти годы отказывался отпускать меня.

Договорившись с наставницей, привозил ненадолго домой, даже на свадьбу сестры вот вытащил, хотя до обряда посвящения оставалось совсем немного.

Выйдя из кабинета отца, я спустилась по лестнице, прошла внутренний дворик, направляясь к женской половине замка, улыбнулась по пути служанкам, что куда-то спешили с широкими подносами.

Когда до неё оставалось дойти всего десяток метров, сбоку послышались голоса. Не знаю, почему я так отреагировала. Но сердце ёкнуло, а ноги сами понесли к ближайшему кусту.

Дожила, уже в собственном саду прячусь от гостей неожиданных!

Но дело было не только в неожиданности, а в холоде. Погожий день, яркое солнышко, пение птиц, лёгкий ветерок, который нёс ароматы цветов и ягод, а мне вдруг стало холодно. У самого сердца кольнула стужа, дрожью пройдясь по телу.

Присев на корточки, я сжала между руками траву, стараюсь не касаться колючих веток розы перед собой, и затаила дыхание, пытаясь сдержать рвущийся наружу стон. Ох, как больно! Словно пальцы в студёную воду засунула.

Так сильно погрузилась в собственные ощущения, что не сразу голоса услышала.

– Ты уверен, что с тобой всё нормально?

Этот голос был смутно знаком. Осторожно выглянув, я увидела меж листьев тёмно-синий плащ.

Ликан. Тот самый, с ямочкой, что тогда улыбался мне.

– Феб, прекрати со мной нянчиться.

Вот этот голос я точно слышала впервые. Усталый и злой какой-то, и эта злоба шла изнутри, будто говорившего сжигало что-то, уничтожало.

А холод кольнул сильнее, иголкой проскочив между рёбер.

Он это... из-за него так плохо.

Я постаралась хоть что-то еще разглядеть сквозь листву – и не могла. Лишь синие плащи ликанов. А встать означало выдать себя. А к этому я не была готова.

– Ты весь бледный.

– Прости, загореть не успел, – съязвил тот и вдруг сдавленно охнул.

И этот стон эхом пронёсся у меня в голове, огнём загоревшись на запястье.

Ох, Лаари, да что же это такое?

– Блэйн! – встревоженно вскрикнул первый и, кажется, попытался поддержать друга.

Но тот отмахнулся, прорычал что-то нечленораздельное, забормотав:

– Не трогай... Не трогайте меня... не хочу больше... ничего не хочу...

– Я отведу тебя в комнату, девушки осмотрят тебя.

Незнакомец зло рассмеялся:

– Эти блаженные? Да они едва ходят. Всё ждут не дождутся, когда избавятся от нас. Не надо... ничего не надо.

Феб всё-таки подхватил его под руку и увел прочь в сторону гостевой части дома.

Я некоторое время еще сидела на коленях, прижимая ноющую руку к груди.

Что это было, Лаари? Что ты хотела сказать мне своим знаком?

Но великая богиня была молчалива, а метка уже перестала гореть. И даже холод ушел, ничего уже не напоминало о произошедшем.

Стряхнув зелёные травинки с колен, я выползла из-за куста с розовыми бутонами и встретилась с удивленным взглядом одной из служанок.

Увидев, что я её заметила, она смущенно улыбнулась и подошла ближе:

– Вы что-то хотели, лэра?

– Нет, всё хорошо, – пробормотала я и уже хотела отпустить служанку, как в голову пришла мысль. – Хотя постой. Ты не знаешь... что за девушки путешествуют с ликанами?

У меня были подозрения относительно личностей этих несчастных, но мне надо было убедиться, потому что поверить... поверить в это было страшно.

Девушка, не помню её имени, покраснела и торопливо отвела взгляд.

– Так воины у ликанов и мужчины, и женщины. Одна тут ходит командует.

Наверняка та девица с золотой косой. Такая точно командовать любит.

– И всё? – продолжала допытываться я.

– Да, – ответила она, стараясь не смотреть мне в глаза.

Точно врёт. Видимо, получила приказ молчать.

Да, об этих девушках не принято рассказывать. Если это именно то, о чём я думала. Ну ладно, сама всё узнаю. И совсем скоро.

Отпустив служанку, я продолжила путь в свои покои.

– Это несправедливо! Несправедливо!

Женская половина замка встречала меня прохладой, вкусными ароматами дорогой туалетной воды, цветочных букетов, сладкой выпечки – и криками младшей сестры.

Голос вопящей Айвы стал еще более противным и тонким, еще и эхо подхватило, понесло, усиливая и без того неприятные ощущения.

Я замерла у лестницы и поморщилась. С младшей сестрой мы никогда особо не ладили. Даже в детстве. В отличие

от Оргуса. Но причина была не только в различии наших характеров. Неприязни хорошо способствовала мачеха, которая при каждом удобном случае не забывала мне напомнить о том, кто я есть.

Ну вот, легка на помине.

– Айвири, – произнесла она надменно, спускаясь по ступеням мне навстречу.

– Доброго дня, княгиня, – кисло отозвалась я, склонив голову в приветствии, и снова вздрогнула.

– Это ты! Ты во всём виновата! – провизжала Айва, застыв на верхней площадке и грозя мне кулаком.

Ну конечно же, я. Кто же еще мог привести ликанов на две недели раньше положенного срока?

– Айва, радость моя, – терпеливо улыбнулась княгиня, подняв голову. – Не стоит винить Айвири в случившемся. Она же ничего не могла сделать. Не так ли? – спросила мачеха, переводя на меня взгляд.

Например, направить отряд по топям и болотам, поплутать с ними пару дней и привести под конец праздника. Вот тогда бы все были счастливы.

– Ненавижу! Ненавижу тебя!

В мою сторону полетела ваза. Судя по тому, как княгиня поджала губы, ваза была дорогой. Но у Айвы всегда наблюдалась проблема с координацией, и снаряд цели не достиг.

– Если бы не ты, я была бы уже замужем за Миром! – разрыдалась сестра.

А вот тут она была права.

Всё дело в отце. Он специально задержал церемонию на пару дней, чтобы я успела приехать. Последние дни дома. После посвящения приехать уже не получится.

– Тебе бы успокоиться, Айва. Хочешь, я травки заварю? – с улыбкой спросила у неё.

– Отравить меня решила?!

– Не стоит так шутить, – строго отчитала меня мачеха.

– Я просто предложила помощь, – ответила я, возобновляя путь по лестнице. – Завтра свадьба. Увидит тебя Мир такую – опухшую от слёз, заплаканную – *и сбежит...* И расстроится, – закончила я поспешно, поравнявшись с княгиней.

– Мама!

– Тебе надо успокоиться, радость моя. А тебе, Айвири, – меня удостоили раздраженным взглядом, – стоит вернуться в свои покои. А то слухи разные ходят. Говорят, ликан с серыми глазами девушку разыскивает. С волосами цвета черешни.

Испугать меня решила? Так не получится.

– Именно в свои покои я и иду, спасибо за заботу, – отошлась я, прошла мимо сестры, спокойно и чинно проплыла по коридору, вошла в свою комнату и аккуратно прикрыла дверь.

Вот теперь можно было выдохнуть.

Глава третья

Лаари – богиня жизни и света. Юная, вечная красавица, один взгляд на которую лишает дара речи. Её губы – лепестки роз, её щеки – нежный персик, глаза – бездонные озера, волосы – золотое облако. Её стан узок, а бёдра круглы. Голос прекрасен, а движения плавны. Само воплощение неземной красоты.

Она наша жизнь и наше спасение.

Лаари защищает наш мир от снежных демонов севера. Именно благодаря ей у нас всегда царили весна и лето, мы не знали голода и холода, по три-четыре раза в год собирая богатый урожай.

Она сама жизнь, а мы верные послушницы, носители этого дара.

С девяти лет нас учили пользоваться им. Мы всегда знали о своём предназначении и гордились этим. Великая честь и великая сила, которой отдавали себя и свои жизни. Послушницы Лаари принадлежали богине и этому миру, но только не себе.

Но это не мешало видеть сны.

Он приходил ко мне часто... пару раз в месяц.

Один и тот же сон.

Я иду по аллее храма, розовой от распустившихся розанов, лепестки которых усыпали узкую дорожку. Шлейф пла-

тъя, такого невесомого и красивого, словно сотканного из нежно-голубого облака, мягко волочится следом.

Я судорожно сжимаю в руках букетик синих цветов, их запах кружит голову. Никогда не видела таких: крохотных, ярких и ароматных. Сколько ни искала в оранжерее при храме, но не смогла найти таких же.

Волосы причёсывала мне мама. Она собственноручно заплела тонкие косички, которые заколола на затылке и скрепила гребнем с драгоценными камнями. Так и должно было быть. Мать наряжает свою дочь перед тем, как отдать в руки избранника.

Я чувствую её присутствие за своей спиной, но боюсь обернуться. Всё иду и иду вперёд, укрытая мягким пологом прозрачной фаты, края которой украшены крохотными жемчужинками, переливающимися на солнце.

Он ждет меня у алтаря, скрытый сенью самых старых розанов.

Жених... моя любовь и моя жизнь.

Гляжу на него – и сердце привычно ускоряет ритм, а щеки алеют.

Он здесь. Он пришёл.

Я невольно ускоряю шаг, не в силах больше быть вдали от него. Мы так долго были в разлуке. Целую жизнь.

Уже всё готово к церемонии. Сама мать-настоятельница готова нас поженить. Она стоит с мягкой улыбкой на губах, в ее руках – алая лента и ритуальный нож с сапфировой ру-

кояткой.

Быстрее-быстрее. Сердце колотится как сумасшедшее.

Еще немного, и вот я уже рядом с ним, жду, затаив дыхание, когда он обернется, одарит меня своей улыбкой...

Обычно на этом моменте я просыпалась, так и не увидев лица своего жениха, но не сейчас.

Он медленно обернулся – призрачная тень, и я могу различить лишь силуэт. Исчезла аллея, розаны, алтарь и настоятельница. Все исчезло, кануло в небытие, растаяв в белой дымке.

Стужа, холод, колкие снежинки, застывающие на моём лице. Замерев, я смотрела в прозрачные белые глаза ледяного демона, что встал передо мной.

Безэмоциональное узкое лицо, лишь немного похожее на человеческое, тонкие губы, провал вместо носа, длинные белые волосы, которые на кончиках превращаются в танцующие снежинки.

Крик застывает на губах, когда демон начинает тянуть ко мне свои скрюченные длинные пальцы с острыми когтями.

– Айвир-р-р-ри...

Еще немного – и коснется, схватит, утащит в своё логово...

Букетик синих цветов выскользнул из рук и медленно падает в снежный сугроб.

Бум...

И я проснулась.

Ох, Лаари, что же это? Раньше всё было иначе. Откуда в снах появился северный демон? Неужели это моя судьба? Сгинуть в холодной стране, став невестой монстра?

Выбравшись из постели, я подошла к окну, которое служанка на ночь прикрыла, и распахнула створки, вдыхая свежий ночной воздух.

Именно в этот момент небо прорезала кривая молния, загрохотал гром, и тяжелые капли дождя упали на землю, застучали по крышам. Сначала их было немного, но стихия набирала обороты, и скоро на город обрушился самый настоящий ливень.

Я протянула ладошку вперёд, собирая прохладные капельки.

– Что ж, – прошептала тихо, всматриваясь в чёрные тучи, которые заволокли небо. – Кажется, поездка пока отменяется.

Вернувшись в кровать, я долго не могла уснуть, ворочалась с одного бока на другой, всё вспоминала жуткого демона с белёсыми глазами и пальцами-когтями. Как самый сладкий сон вдруг превратился в жуткий кошмар? И что он значит? Неужели будущее моё определяет?

Ответа не было. Через час или два, убаюканная музыкой дождя, я всё-таки смогла опять уснуть, обняв подушку. В этот раз обошлось без сновидений.

Проснулась от непонятного шума.

– Давайте, давайте быстрее...

Голова болела, глаза открывались с трудом. Заставив себя подняться, я встала с кровати и подошла к двери, открывая её и выглядывая наружу.

Кругом царил хаос, бегали служанки, едва не сталкиваясь друг с другом, запыхавшиеся, взволнованные. Они таскали какие-то полотенца, наряды, украшения, тарелки с фруктами, корзины цветов и еще кучу всего непонятного.

И командовала всем этим мачеха.

Она стояла на первом этаже и руководила, отдавая приказы каждой несчастной, что мимо неё пробегала.

– Ты! Неси это к приданому! Украшения – княжне. Я же велела убрать этот чай! Она не хочет чай! Мне воды, и быстро! Цветы-то, цветы куда потащила?! Живо назад! Гирлянды – в замок. Что за бестолковые девицы?! В могилу меня вогнать хотите своей тупостью?

– А что здесь происходит? – спросила я, подходя к перилам и чуть свешиваясь.

Служанки замерли на мгновение, подняв на меня глаза, и снова заспешили по своим делам.

Мачеха недовольно поджала губы.

– Проснулась? – произнесла она таким тоном, словно я все эти дни только и делала, что спала.

– Доброго утра, – запоздало поприветствовала я княгиню, заплетая волосы в обычную косу.

– Доброго, как же. Свадьба у нас сегодня, если ты не забыла. Как можно быть такой невоспитанной? У Айвы празд-

ник, а ты думаешь только о себе! Провалилась всё утро, а помогать кто будет?

Я пропустила её замечания мимо ушей так же, как делала все эти годы.

– Помогать? А почему меня раньше не разбудили? Отец же сказал, что утром меня отправят назад в храм.

– Гроза началась, – отозвалась мачеха. Её тоже не радовало моё участие в празднике. – Князь решил не подвергать твою жизнь риску. Хотя какой риск... ну промокла бы чуть-чуть. Закалка нужна для послушницы и даже полезна.

Хм. А если бы меня смыло небольшим наводнением, так вообще было бы прекрасно.

– Так что давай быстрее, собирайся. Слугам нужна помощь, – скомандовала княгиня.

– Какая помощь?

Мы же вроде бы всё подготовили к церемонии еще вчера.

– Дождь идёт, приходится всё переносить в замок. Что за невезение! Лаари смеётся над нами, подсовывая одну каверзу за другой. Так что быстрее, быстрее! Айвири, у нас не так много времени.

Спорить с мачехой было бесполезно, поэтому я кивнула и вернулась в комнату. Переодевшись в обычное тёмно-зелёное платье, спустилась вниз. Волосы я убирала в простенький серый чепчик уже на ходу.

Выпросив у одной из служанок передник, подвязала его на талии.

– Возьмите, – шепнула девушка, сунув мне в карман передника ароматный пирожок. – А то без завтрака. Княгиня с княжной себе подносы назаказывали, а вы... покушать надо.

Она замолчала, неожиданно смутившись, и быстро огляделась.

– Спасибо, – поблагодарила я девушку, сжав её ладонь. – Большое спасибо.

Нас учили обходиться без пищи, так что с голоду бы я не умерла, но эта забота... так на сердце приятно стало.

Широко улыбнувшись, я выскочила во дворик прямо под проливной дождь, беззаботно рассмеявшись, когда вода попала за шиворот. И, не теряя времени даром, побежала на противоположную сторону, плутая по узким дорожкам, перепрыгивая лужи, почти ничего не видя перед собой.

Именно поэтому не успела вовремя среагировать и со всего размаха на кого-то налетела.

– Прошу прощения, – начала я и осеклась, увидев лицо мужчины.

Отскочила, пряча руки за спину и дрожа уже не от прохладного дождя, который неожиданно стих и заморосил, а от совсем иных чувств.

– Ты? – Серые глаза удивленно расширились, когда ликан взглядывался в моё лицо. – Это ведь ты.

Надо же. Какой глазастый, разглядел. Даже в этом уродливом чепце смог узнать. Значит, и правда искал.

– Простите, – пискнула я и попыталась обежать мужчину,

вставшего на пути.

– Подожди! – крикнул он, решив поймать меня за руку.

Но не тут-то было, я тут же шарахнулась в сторону, попав двумя ногами в лужу.

– Мне надо бежать, лэр, – заявила испуганно и, подхватив юбку, припустила дальше по тропинке.

Признаюсь, глупое решение. Я только что нарушила одно из правил общения с ликанами. Убежала. Вот же гусыня. Как же так! Но встреча была настолько неожиданной, что я совершенно не подумала, как нужно себя вести. Вот и совершила глупость.

Надеюсь, она ничем мне не аукнется.

Самое главное сейчас, чтобы ни он, ни его сородичи не узнали о том, кто я такая. Это остальные двадцать девять князей закрывали глаза на моё появление в замке, понимая боль утраты отца, а ликаны – это совсем другое. И послушнице не место в замке. Это прямое нарушение правил обители, которое строго каралось.

Конечно, рассчитывать на то, что мужчина оставит попытки догнать меня или пойти следом, было очень самонадеянно. Ну и ладно. В таком виде я мало похожа на княжну, а метку за длинным рукавом не разглядеть. Слуги не болтливые, и никто не выдаст. Считает меня служанкой, пусть так и будет.

Свернув за угол, я поспешила в главный зал.

Дождик закапал сильнее, и надо было спешить. Не хвата-

ло еще подхватить простуду. Это других мы можем излечить и поставить на ноги, а вот собственные болезни проходили крайне сложно. Поэтому мы много закалялись, дабы не допустить ослабления здоровья.

Вбежав внутрь, я поправила чепец, который так и норовил съехать на глаза, и огляделась. Так, мужчины перетаскали все скамейки и теперь расставляли их в центре зала, оставляя между двумя рядами небольшой проход.

Красной ковровой дорожки еще не было. Это и понятно, затопчут слуги своими грязными ножищами. Её расстелют потом, перед самой церемонией.

Служанки уже успели украсить алтарь живыми цветами – лилиями и белыми розами, повязали бело-голубыми и золотисто-желтыми лентами. Цвета домов невесты и жениха.

– Помощь нужна? – с ходу произнесла я и широко улыбнулась, внося небольшую сумятицу в работу слуг.

– Лэра, – ко мне со всех ног спешила старшая экономка. – Вы-то что тут делаете? – обеспокоенно спросила она, подходя ближе.

– Тс-с-с, – только успела шепнуть я, спиной чувствуя взгляд внимательных дымчато-серых глаз.

Пошел всё-таки следом. Вот настырный тип. И как теперь отвязаться? Пока на ум ничего не приходило.

Лэра Томени мельком взглянула мне за спину и понимающе кивнула.

– Княгиня прислала меня вам на помощь, – отрапортовала

я, улыбнувшись и нащупав в кармане пирожок.

Оставалось надеяться, что он не успел намокнуть. Надо его съесть как-нибудь побыстрее, и желательно в одиночестве. Подальше от любопытных глаз. А то до торжественного обеда еще времени много. Да и не факт, что у меня получится там побывать.

– Княгиня? – переспросила экономка, и её брови удивленно поползли вверх. – Вот же змеюка.

Я чуть не прыснула от смеха по поводу весьма точной характеристики мачехи, но сумела сдержаться, быстро покачав головой и снизив голос до шепота.

– Тихо, лэра Томени, даже у стен есть уши. А княгиня давно мечтает сместить вас с поста. Так зачем помогать ей в этом?

– Подавится. Пока князь здесь распоряжается, я не уйду, – гордо заявила она.

Женщина когда-то была личной горничной моей матушки, но за годы дослужилась до должности экономки. Она очень сильно любила первую княгиню и страшно горевала после её смерти. И именно лэра Томени вырастила меня, дав то материнское тепло и любовь, которых мне так не хватало.

Отец ценил её и, несмотря на все уговоры жены, отказывался увольнять.

– Ох, милая, не здесь ты должна быть, не здесь, – печально вздохнула пожилая женщина.

А я лишь равнодушно пожала плечами, продолжая чув-

ствовать между лопаток пронзительный взгляд мужчины.

Вот же настырный. Всё не уходит. И чего смотрит? Так и дырку прожечь недолго.

Обернуться хотелось жутко, но я лишь сильнее сжала кулаки.

– Даже не знаю, какую работу тебе дать, девочка. Не для тебя всё это.

– Для меня, лэра Томени. Для меня. Вы же знаете, – поспешила заверить я.

– Знаю, знаю. Пойдем, поможешь мне расставить цветы по вазонам. Надо будет задрапировать их тканью и поставить вдоль прохода.

– Хорошо, – ответила ей и вздрогнула, услышав рядом:

– Доброго утра, уважаемая лэра, может, и я для чего сгожусь?

Не знаю, каких трудов мне стоило не обернуться, услышав этот голос совсем рядом с собой. Надо же, как близко подошел.

И мир вокруг нас затих. Это было совсем не преувеличение, вызванное близостью с ликаном. Гомон, разговоры слуг стихли, они побросали свои дела, повернувшись в нашу сторону, жадно вслушиваясь в разговор, ловя каждое слово.

– Жизни и света, почтенная лэра, – произнёс мужчина, остановившись в нескольких шагах за моей спиной.

А по ощущениям, что совсем рядом. Будто стоит мне только закрыть глаза, чуть откинуться назад, и я почувствую

осторожное прикосновение горячей ладони к своей спине.

И ощущения были такими яркими, что между лопаток кожа загорелась.

– И вам света и жизни, уважаемый, – уперев руки в бока, произнесла экономка.

Старую Райму Томени сложно было удивить, испугать или сбить с толку. И ликанов она не боялась, несмотря на внушительный и грозный вид последних.

– Вы чего застыли? – повысив голос, прикрикнула она, повернувшись в сторону слуг. – Работа сама по себе не делается. А перед княгиней сами отчитываться будете. До церемонии всего три часа осталось. Столько успеть надо! Так что быстрее, быстрее!

Упоминание мачехи подействовало. Все снова засуетились, забегали, возвращаясь к своим делам.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – пробормотала едва слышно, мечтая оказаться как можно дальше от ликана.

Его сила подавляла, заставляя сердце трепетать от новых, непонятных чувств.

– Иди, милая, иди, – улыбнулась Томени, пропуская меня вперёд и тут же перегораживая путь мужчине, закрывая собой. – Так что вы хотели, любезный?

– Помочь, – донеслось в ответ.

Я подошла к одной из девушек-служанок, которая аккуратно собирала букеты из роз и лилий, украшая их лентами, старательно делая вид, что ничего другого её больше не ин-

тересует. А сама невольно вслушивалась в разговор.

– Да где это видано, чтобы гости дорогие работали? – заохала экономка, специально выделив интонацией последнее слово. – Не положено это. Меня князь со свету сживёт.

– Так я сам вызвался.

– Господин, да как же так? Я же говорю, не положено.

– Я же от чистого сердца.

Вот настырный какой. А голос приятный, с бархатистыми нотками.

– Да я разве иное говорю? Только что же вы делать будете?

– Да что скажете. Я сильный.

От волнения у меня страшно дрожали руки. От неловкого движения острый шип розы впился в палец, и я, охнув, прижала подушечку к губам, слизывая капельку крови.

Стоявшая рядом со мной девушка вдруг задрожала и дёрнулась в сторону, едва не свалив уже готовые букеты на пол.

Странная она какая-то. Чего так дёрнулась? Ответ нашёлся быстро.

– Больно? – осторожно спросил ликан, внезапно оказавшийся рядом.

Как я сама не заорала, не знаю.

Только обернулась медленно-медленно, опуская руку и пряча её за спину.

– Нет... не больно, – отозвалась тихо, заглядывая в дымчато-серые глаза и забыв все запреты.

– Лэр, – подала голос Томени. – Спасибо за предложение, но помощь нам не нужна. И дело не только в вашем положении. От вас все слуги шарахаются, девчонки чуть сознание не теряют. А у нас работы много. Так что, будьте так любезны, позвольте нам заниматься своей работой.

Как она его... Я бы так не смогла. И ведь не испугалась.

Ликан повернул к ней голову.

– Прогоняете меня?

– Разве я бы решилась? Просто прошу удалиться.

– Возражать не стану. Только имя у девушки узнаю. В прошлый раз она так и не представилась. А меня убедили, что такой в замке князя нет. Какая она, оказывается, незаметная.

– А если девушка не желает знакомиться, – подала голос я, вновь привлекая к себе его внимание, – вы продолжите настаивать и требовать? У нас все знают о ликанах, все знают, за чем и за кем вы приходите в каждое княжество по очереди. Каждый год. А также нам известно, что ни один из ваших не возьмёт против воли девушку. Или это не так?

Промолчал, лишь губы сжал и прищурился опасно. Только меня не запугать.

Я уже успокоилась и готова была дать отпор. Несмотря на метку, я оставалась княжеской дочерью, хоть и титул не носила.

– Ты права... лэра, – отозвался он, отступая и чуть склонив голову.

Мне даже стыдно стало на мгновение. Но всего на чуть-

чуть. Лучше сразу перерубить всё это, остановить. Пусть считает меня зарвавшейся служанкой. Чем узнает правду. Отцу не простят.

Но даже после его ухода работа не спорилась. Букет я составить помогла. Руки все исколола, хотя такого раньше никогда не было. Да и на вопросы отвечала невпопад, ненадолго застывала, вслушиваясь, вернётся ли ликан или нет.

Но он так и не пришел.

– Идите, лэра, идите, – произнесла экономка, отнимая у меня цветы. – Вы и так достаточно сделали.

– Но...

– Идите.

Я благодарно кивнула и поспешила назад. Решила пройти не через дворик, а через дом. Судя по звукам, дождь стал еще сильнее. Пусть путь окажется в два раза длиннее, зато не промокну и подумать время будет.

Но стоило мне пройти коридор и свернуть в один из залов, как там меня ждали новые неприятности.

Глава четвёртая

– Это кто это у нас тут такой красивый и такой занятой? – фальшиво улыбнулся молодой княжич, вставая у меня на пути.

На него, слава Лаари, я не налетела, вовремя остановившись.

Судя по бегающим чёрным глазкам, хмельному перегару и глупой улыбочке завязатого бабника, молодой человек уже успел хорошенько приложиться к обширному винному запасу батюшки. И это с самого утра.

Кажется, кто-то начал отмечать праздник гораздо раньше остальных.

– Доброго утра, – почтительно произнесла я, склонив голову и опуская глаза.

Уж если играть роль служанки, то до конца. Проблема в том, что это не ликан. Это у воинов севера были правила, от которых они не отступали и неукоснительно соблюдали, – молодые вельможи, особенно княжеских кровей, к сожалению, такой принципиальностью не страдали и за служанками волочились.

– Хорошенькая какая, – продолжал улыбаться княжич.

И что он мог рассмотреть в тени, да еще под этим жутким чепчиком, который скрывал чуть ли не пол-лица?

Судя по пурпурной ленте и золотой звезде на ней, это был

один из сыновей князя Сангара из южного княжества Аули. А его жители, как и правители, терпением и благородством манер никогда не отличались. И вообще слыли взрывными и импульсивными задирами.

– Прошу прощения, княжич, но мне надо идти, – терпеливо произнесла я, решив пока не называть ему свой титул и род.

Глупая, я еще верила, что смогу обойтись без демонстрации метки.

Но не тут-то было.

Тревога, беспокойство и неожиданное прикосновение... совсем легкое, но чужое, неприятное. Оно было таким быстрым, что я даже среагировать не успела, когда подкравшийся сзади другой княжич стащил у меня с головы чепчик. Коса тут же пала на спину, а короткие пряди – на лицо.

– Ты смотри, какая редкость, – пропел он тут же, продолжая сжимать чепчик в кулаке.

Красное и черное.

Еще одно южное княжество. Кинари, ближайшие соседи Аули.

Высокий, на полторы головы выше меня, худощавый парень со светло-карими глазами, тёмно-каштановыми волосами с лёгкой рыжиной.

Рядом с ним – еще один наследник великой семьи с бледно-зелёной лентой в изумрудную полоску на груди. Цвета княжества западной части материка. Карнир находилось в

болотной местности и славилось своими грязевыми целебными источниками, которые так любила знать.

И как этот светлокожий, с крохотными веснушками по всему лицу, затесался в компанию к южным прохиндеям?

– У нас такой цвет называется кьяри, – вытянув руку вперёд и пытаясь схватить меня за косу, произнёс черноглазый, но я успела увернуться. – Цвет самого дорогого вина.

Знаю. У отца в личной коллекции было припасено бутылок двадцать-тридцать. Специально для особенных случаев.

– И куда ты так спешишь, красавица? Почему игнорируешь? – поинтересовался княжич Кинари, продолжая сжимать чепчик в руке.

– Работы много.

– У нас для тебя тоже есть... работа, – сказал рыжий и захохотал.

А я уже не была уверена, что глаза его блестят лишь из-за выпитого вина.

Надеюсь, мой отказ не спровоцирует скандала?

Ох, о чём я только думала? О чём волновалась? Не я виновата в том, что княжичи не понимают слова «нет». И не мне должно быть стыдно.

– Пропустите меня, лэры, – потребовала я, повысив голос.

– Надо же, какая строптивая, – отозвался болотный княжич.

– Ничего, сейчас научим манерам, – добавил черноглазый.

– Объясним, как надо обращаться с высокими гостями, – угрожающе прошипел рыжий.

И они начали медленно меня окружать.

Да, по-хорошему теперь точно не получится.

Надо будет не забыть попросить леди Томени провести ещё одну беседу со служанками. Страшно подумать, что бы случилось, если бы им попалась не я. А обычная девушка. Та, которая не смогла бы дать отпора. И отцу надо сказать. Гости гостями, но вести себя надо прилично.

Я уже открыла было рот, чтобы высказать им всё, что думаю, и продемонстрировать метку, как меня опередили:

– Девушка же попросила оставить её в покое.

Ликан.

Он стоял, прислонившись плечом к одной из двенадцати колонн, украшающих длинный широкий коридор с множеством узких окошек по левую сторону. Сами же колонны располагались справа и были вырублены из вековых сосен, которые невозможно было обхватить руками. Каждую из двенадцати украшал свой неповторимый рисунок, вырезанный мастерами задолго до моего рождения.

Та, на которую опирался ликан, изображала древних охотников с острыми мечами и изогнутыми топорами, преследующих красивого оленя с ветвистыми рогами. В детстве я всегда верила, что охотникам никогда не удастся поймать это величественное животное и они будут веками гоняться за ним. Так, собственно, и было, но только в этой композиции.

В жизни, к сожалению, всё иначе.

А я застыла у колонны с лесными волшебницами – тоже очень символично.

Северянин вступился за меня перед молодыми княжичами, но сам остался стоять на месте, только глазами недобро сверкал.

Именно взгляд и внушал трепет. Потому что вся остальная поза выглядела обманчиво расслабленной: сильные руки, скрещенные на груди, наклон головы в сторону, равнодушное выражение лица.

– Ты это... – не слишком уверенно промямлил болотник и, бросив взгляд на товарищей, добавил: – Иди... иди, куда шел.

– А я никуда не шел. Стою, смотрю, наблюдаю, как вы на девушку втроем наброситься решили, – отозвался мужчина спокойно, а сам на меня смотрел.

Южные княжичи посмелее оказались и от неожиданного вмешательства в себя пришли быстро.

– Ты как с нами разговариваешь?! – разгневанно вскричал княжич Аули. – Не видишь, кто перед тобой?

– Отлично вижу, – всё так же невозмутимо отозвался ликан и кивнул на каждого: – Княжич Елизар из Карнира. Аймат из Аули. И Заир из Кинари. Не так ли?

– А ты кто такой? – тут же спросил Аймат.

– Итан Ларкас, сын верховного антура Ардана и представитель своего народа на совете тридцати княжеств.

Я сглотнула. Знала ведь, что не так прост этот сероглазый, а всё равно впечатлилась. Надо же, сын верховного антура, повелителя всех ликанов, самого сильного воина своего рода. Легенды говорят, что он обладал такой силой, что даже ледяные стрелы демонов не могли его убить.

– И что? – не слишком уверенно отозвался Заир. – Иди, куда шел, а нам не мешай.

– Обязательно. Как только девушку отпустите.

– А ты здесь не команду. Мы её первыми нашли! – огрызнулся Аймаг.

Южные княжества более двадцати лет не видели ликанов и уже забыли слёзы матерей, вынужденных отдавать своих сыновей воинам севера. Забыли древний договор, нарушение которого каралась смертью для любого, будь ты крестьянин, торговец, ремесленник, да хоть князь. Скорее всего, оба княжича родились уже после сборов, проходивших в их странах. Вот и забыли правила.

Правда, не все. Елизар должен был помнить. В его княжество ликаны приходили лет двенадцать назад. Вон как юноша напрягся и от друзей стал медленно отходить. Правильный выбор сделал.

А вот отцу мне все рассказать придется. Распустили князя своих сыновей. Раз они смеют так разговаривать с защитниками мира. Очень бы не хотелось, чтобы младший брат вырос таким же.

– Мне и правда лучше уйти, – произнесла я, надеясь таким

образом хоть немного разрядить атмосферу. Если я уйду, то им и делить будет нечего.

Но не тут-то было.

– Стоять! – рявкнул Заир, хватая меня за руку, как раз в том самом месте, где за длинным рукавом была скрыта метка Лаари.

Дальше произошло несколько вещей одновременно.

Метка на запястье вспыхнула.

Рыжий княжич охнул от неожиданной боли, отпуская меня.

Я, почувствовав свободу, отскочила в сторону, едва не налетев на ликана, который, по всей видимости, поспешил мне на выручку, за пару секунд преодолев разделяющее нас расстояние.

И в коридор вышел князь Саир со своей свитой.

– Что здесь происходит? – повелительно спросил он, осмотрев нашу компанию.

– Девка, – болезненно выдохнул рыжий, баюкая онемевшую руку. Мой чепчик жалкой тряпкой валялся у его ног. – Девка чуть не убила меня. Это что за порядки такие в Иллиуме, если обычная дворовая баба на жизнь княжича посягает?

– Или что это за княжич, которого одолела девушка, на которую он сам первый и напал, – насмешливо произнёс северянин.

– Жалкая ложь! Мы не нападали! – взвизгнул Аймаг. – Я

требую созвать совет! Требую наказать этого... этого...

Слова у черноглазого кончились, а на помощь и поддержку ему никто не спешил. Елизар вон совсем в стену вжался, явно мечтая с ней слиться.

– Помолчите! – прикрикнул старый друг отца и повернулся ко мне, приветствуя. – Света и жизни, лэра.

– Жизни и света, князь Саир, – склонила я голову в ответ и добавила с улыбкой: – Рада видеть вас в добром здравии.

– Твоими молитвами, дитя. Позволь мне принести тебе и вам, лэр Ларкас, мои извинения за действия этих недостойных. Даю слово, что об их поведении будет немедленно доложено их родителям.

– Что?

– Как?

– Почему?!

– Извинения принимаются, – прервал стенания юношей ликан. – Долга чести требовать с них не стану.

Я облегченно вздохнула, мысленно благодаря богиню за заступничество.

– Благодарю, лэр.

– Спасибо за помощь, князь Саир. Но мне действительно пора бежать, – произнесла я, больше не желая участвовать в этих разборках.

– Я провожу, – тут же вмешался молодой мужчина.

– Не стоит...

– Но я настаиваю. В замке сейчас неспокойно. Свадьба

единственной дочери князя, сбор и совет. И всё в такой короткий срок.

– Ларкас прав, Айвири, – неожиданно поддержал его Саир. – Сопровождение тебе не помешает.

И я была вынуждена сдаться.

Итан Ларкас

Айвири...

Айвири...

Айвири... красивое имя. И так ей шло. Мужчина повторил его про себя еще несколько раз – не для того, чтобы запомнить. Услышанное раз, оно навечно впечаталось в память. А просто потому, что хотелось. И внутренний зверь довольно заурчал, признавая.

– Вам не стоило вмешиваться, лэр, – заметила девушка, спеша по длинным коридорам замка.

Она легко ориентировалась в них и даже ни разу не сбилась с пути и не замедлила шаг. Наоборот, даже немного ускорила, словно хотела сбежать от него, скрыться.

И это еще больше подзадоривало зверя, заставляя глубинные инстинкты, которые обычно дремали в мирной жизни, просыпаться.

– С ними ты была не так категорична, как со мной, – заметил мужчина, искоса наблюдая за ней.

Поэтому он и шел чуть сзади и не спешил догонять. Так ракурс был лучше.

Прямая спина, гордо вскинутая голова, толстая коса, которая уже начала расплетаться, аккуратные короткие пряди, окружающие лицо с маленьким носиком, полными губами и невероятно красивыми синими глазами в обрамлении пушистых ресниц, таких длинных, что они оставляли тени на щеках. Кожа гладкая, светлая, с лёгким румянцем.

Её поведение действовало на него странно.

Честно говоря, это было непривычно – слышать, как тебя отвергают и просят уйти. Особенно от девушки, которая неожиданно привлекла внимание и так заинтересовала. Итан никогда не бегал за девушками. Положение и внешние данные делали его заветной добычей для северянок – красивых, крепких девиц со светлыми волосами, округлыми бедрами, большой грудью и жаркими обещаниями. Они согревали его ночи, позволяя забыться в своих объятьях, отойти после ледяного ужаса, что преследовал его в кошмарах, даря такое необходимое освобождение.

Любая считала честью и удачей разделить постель с сыном верховного антура. И это не было зазорным или чем-то постыдным.

Жизнь в Ардане могла быть очень короткой. Сегодня ты радуешься, наслаждаешься, а уже завтра замерзаешь навеки. Это касалось и мужчин, и женщин. Мало кто из ликанов доживал до глубокой старости – многие оставляли свою молодость и жизнь на заснеженных склонах гор.

Но на Айвири так смотреть не получалось. До неё даже

дотронуться было страшно. Тоненькая, хрупкая и нежная. Подобные на севере не выживали, он знал... видел. Её хотелось спрятать от всего мира, защитить.

Эти чувства были совсем новыми для ликана, непривычными, но дискомфорта не вызывали.

– Но вас же это не остановило, – отозвалась девушка, даже не обернувшись.

Итан давно уже понял, кто она такая. Обычные служанки так себя не ведут и слугами не охраняются. И обращение пожилой экономки от него не укрылось.

– Я думала, вы ушли, – добавила Айвири и всё-таки взглянула на него.

Осторожно, будто украдкой. А потом вновь отвернулась, ускорив шаг.

– Я и ушел. Из зала. Понял, что поговорить нам не дадут. Тебя защищают.

– Как и всех. И вы решили подкараулить меня в другом месте?

– Понял, что через сад ты не пойдешь, и решил поискать другой путь, – признался Итан.

Она понимающе хмыкнула и ответила быстро:

– Это всё равно ничего не изменит. Оставьте меня, лэр, не теряйте зря времени.

– Это из-за отца? – напрямик спросил мужчина, решив сразу все прояснить.

Айвири резко остановилась, будто споткнулась, и, обер-

нувшись, впилась в него требовательным взглядом:

– Какого отца?

– Князя Рогнара.

Побелела так сильно, что того и гляди свалится без чувств. Покачнулась, но смогла устоять на месте. Лишь застыла, сжимая правое запястье левой рукой. А в глазах плескались ужас и паника.

– Вы... знаете? – с трудом произнесла девушка. – Вы знаете, кто я?

Итан не стал её долго мучить и пугать, хотя и не понимал, откуда такая странная реакция на его слова.

– Незаконнорожденная дочь князя Рогнара.

Реакция не заставила себя долго ждать. У неё даже рот приоткрылся от удивления:

– Что? Но как?..

– Догадался? Это не так сложно. Твои манеры, движения, речь. Сразу видно, что ты не служанка. Следующее: экономка тебя бережёт, слуги скрывают, а ведь я расспрашивал о тебе. Зато княгиня ненавидит. На фаворитку ты не похожа. Таких обычно отправляют в отдельные дома на окраину города и навещают сами. Не заставляя работать. Значит, дочь. Незаконная.

– Вы весьма... догадливы, – произнесла Айвири, и цвет лица постепенно начал возвращаться к норме.

Успокоилась. Из глаз исчезло затравленное выражение.

– Если ты боишься реакции князя, то я могу сам с ним

поговорить.

– Не стоит, – поспешно произнесла она. – Дело не в нём, а во мне. И только во мне.

– И что же в тебе не так? Только не говори, что боишься нас так же, как и остальные. Больших и страшных ликанов.

– Не скажу, но и обнадёживать не стану. Мой вам совет, лэр: забудьте меня. Уже завтра всё закончится, – ответила девушка тихо, смотря ему прямо в глаза. – Дальше проводить не надо. Мы почти дошли. За проёмом начинается женская часть замка. А вам туда нельзя. Спасибо еще раз и прощайте.

– Айвири, – произнёс Итан, когда она уже почти дошла до арки. – А если я не хочу забывать?

Замерла, чуть повернув голову, и ответила:

– Выбора всё равно нет. Ни у кого из нас.

Взглянула на прощанье и скрылась за поворотом.

Глава пятая

Незаконнорождённая.

Великая Лаари, он решил, что я незаконнорождённая.

Словами не передать тот ужас, что пришлось испытать, услышав от него, что князь мой отец. Сердце буквально ушло в пятки, ноги задрожали, а кровь хлынула вниз, отчего голова закружилась. Непременно упала бы без чувств, но всё вышло иначе.

Надо отдать должное его сообразительности, ликан действительно почти угадал, кто я. И это радовало безмерно.

Оставалось надеяться, что он оставит свою безумную идею поговорить с отцом. Даже страшно представить, как папа отреагирует на слова о моём предполагаемом происхождении.

Князь Рогнар меня любил. Очень сильно любил, гораздо больше, чем других своих детей, и это знали все. Может, именно этого мачеха не могла мне простить.

Но я никогда не пыталась воспользоваться его чувствами, несмотря на уговоры экономки и замечания слуг.

Достаточно было одного моего слова. Одной жалобы на мачеху или сестру. И отец устроил бы скандал. Он знал, что у нас очень напряжённые отношения, и часто пытался выведать у меня правду, найти хоть какое-то доказательство, но я всегда уходила от ответа и заверяла, что у нас всё хорошо.

Глупо? Да, так, скорее всего, оно и было. И уж точно лучше не стало. Поняв, что наказания за свои выходки не получают, Айва с матерью перешли все рамки допустимого. А я всё равно молчала.

Почему? Потому что не желала стать причиной скандала и раздора в той семье. Несмотря ни на что, княгиня оставалась верной женой отца, матерью его детей. Именно она подарила Иллиуму наследника.

А я... я никогда не принадлежала им. Всего лишь прошлое, которое отец никак не может отпустить. Эти короткие визиты лишь усугубляли ситуацию. Все знали, что скоро и они закончатся, стоит мне пройти посвящение. И что будет дальше? Я устрою скандал и уеду, оставив после себя лишь разрушенную семью. Пусть у них не всё было гладко, но они были семьёй. И должны ею остаться.

Ничего страшного, перетерплю. В этом удел послушниц Лаари: служить другим, даже в ущерб себе, неся бремя великого дара.

Я замерла у одной из стен, переводя дыхание, и нащупала в кармане забытый пирожок.

Откусила кусочек и закрыла глаза. Вкусно. Несмотря на то, что он остыл и даже чуть-чуть намок, тесто осталось очень нежным и воздушным. И начинка была моя любимая: сладкая вишня. Кухарка всегда пекла их для меня.

Я медленно жевала пирожок, вспоминая ликана, мысли к которому всё возвращались, даже против воли.

Ни один мужчина так не смотрел на меня... Так, словно я... девушка. Обычная девушка. Свободная и не связанная клятвой.

С рождения все знали, кто я. Все помнили о моём предназначении и о том, что я принадлежу Лаари. И никто не смел относиться ко мне иначе, кроме как с почтением и осторожностью.

Те княжичи не в счет. Они точно не могли узнать или увидеть в простой служанке послушницу богини. Стоило только показать им метку, и ухмылочки тут же сползли бы с их лиц.

Мы неприкосновенны.

Никто никогда не посмеет коснуться послушницы... не сможет возжелать её... пойти против воли богини, навлекая на себя её гнев, от которого ничто не спасёт.

И ликан был единственным, кто не знал о том, кто я.

Не знал и смотрел так, что сердце замирало от неожиданного смущения, а щеки загорались румянцем. Так, что я забывала о своём предназначении.

Я была уверена, что молчала лишь для того, чтобы защитить отца. Да, это так. Но сейчас мне вдруг пришло в голову, что это, возможно, не единственная причина.

Стоит этому ликану узнать о том, что я послушница, и всё изменится.

Пропадет его мягкая улыбка, серые глаза нальются сталью, и из них исчезнет эта лукавая смешинка. И он станет относиться ко мне как все. Станет избегать.

Всё, как и должно быть. Как я его и просила.

Но даже сейчас я с трудом могла признаться, что мне льстило его внимание.

Это ведь не так страшно. Всего один день. Только сегодня. Пусть хоть пару часов, но я побуду обычной... для ликана с дымчато-серыми глазами.

Доев пирожок, я стряхнула крошки с пальцев, вытерла губы ладошкой и поспешила дальше.

Мачеха могла ругаться сколько угодно, но возвращаться в зал я не собиралась. Если ей так надо, она может заняться украшением самостоятельно.

Полная решимости отстаивать собственное мнение, я поднялась по лестнице, подошла к комнате сестры и, даже не постучав, открыла дверь.

Все слова застряли в горле, как только я увидела, что именно держала в руках Айва.

Небольшой веночек, сплетённый из серебра и золота, с крохотными цветами из драгоценных камней. Маленькие нежно-розовые соцветия с яркой сердцевинкой и крупными тычинками в обрамлении светло-зелёных листочков-изумрудов.

Цветы вишни.

Свадебный венок моей мамы.

Тот самый, который был изображен на большом семейном портрете, что висел у меня в спальне. Там, где мама, такая счастливая и улыбочивая, стояла в нежно-лиловом пла-

ть с открытыми плечами. Роскошные медные волосы лежали волнами, чуть скрытые фатой с мелкими жемчужинками по краю.

Тот самый, который она должна была по традиции надеть на голову мне в день свадебного обряда. Если бы была жива... если бы я не была той, кем являлась с рождения.

Я отказалась от всего. От всех благ и радостей обычного мира. Меня не прельщали дорогие ткани с ручной вышивкой золотом, изысканные яства, крохотные флакончики с ароматной водой, шкатулки с драгоценностями, которые старательно ставил передо мной отец при каждом приезде. Не знаю, чего именно он добивался таким образом, наверное, хотел порадовать. Но мне всё это было не нужно. У меня была другая жизнь и другое будущее, отличное от их.

Я была равнодушна ко всему... Всему, кроме этого венка. Последней памяти о почившей матушке. То немного, что я всё-таки считала своим. Единственная моя вещь в этом огромном замке великого князя.

И его сейчас пыталась примерить сестра, стоя на небольшом постаменте у огромного, в пол, зеркала. На ней было нежно-голубое платье с длинными рукавами из тонкого кружева, пышной юбкой, которая еще больше подчеркивала узкую талию. Платье было так похоже на то, что преследовало меня во снах, и в то же время немного другое, более вычурное. Ее светлые волосы собраны на затылке и украшены тончайшей фатой.

Нет, она собиралась не просто примерить... Присвоить. Отобратить...

– Отдай, – вырвалось у меня.

Голос прозвучал холодно, резко и был совсем не похож на мой. словно кто-то другой выдохнул, выкрикнул, пытаюсь остановить эту несправедливость.

И всё это действие так захватило меня, что я не заметила мачехи, что, недовольно поджав губы, стояла в стороне, держа в руках совсем другой венок. Тот самый, из цветков апельсина, который она должна была передать сегодня дочери. И, судя по всему, выбор Айвы её совершенно не устраивал.

Сестра от выкрика вздрогнула, так и не надев венок, и обернулась ко мне. Такая красивая, воздушная и нежная... и ядовитая, словно олеандр. Невероятно красивый и столь опасный цветок, сок которого легко может убить.

– Ты что тут забыла? – недовольно спросила она, нахмурившись.

Явно не ожидала увидеть меня сейчас в своих покоях.

– Отдай, – уже более привычным голосом потребовала я.

– Тебя сюда не звали. Иди куда-нибудь... тебе тут не место, – отмахнулась Айва от меня как от назойливой мухи, начисто проигнорировав мои слова.

Обычно я старалась не вступать с ней в споры и мечтала как можно быстрее удалиться, помня заветы настоятельницы. Смирение, и только смирение, а еще послушание. Но не

сейчас.

– Отдай, – уже в третий раз повторила я, до боли сжав кулаки. – Это не твоё.

– И не твоё тоже, – усмехнулась сестра. – Ты-то замуж выйти никогда не сможешь. Детей и внуков не будет. Так и передавать его некому. А мне он нравится.

– Айва, – подала голос княгиня, подходя ближе.

Я видела, как побелело её лицо, как мелко дрожали руки, в которых она всё ещё сжимала свой венок.

Очередная выходка дочери не прошла для неё бесследно.

– Она права, – сдавленно произнесла мачеха, наверное, в первый раз признав мою правоту. – Поигралась и будет. Ты должна надеть это.

– Ничего я не должна. Этот, с цветами вишни, подходит мне больше. Смотри, как сочетается нежно-розовый цвет с голубой тканью платья.

И Айва вновь попыталась надеть венок на голову.

– Не смей! – вскрикнула я, делая еще шаг вперёд и вытягивая руку.

Ту самую, на которой огнём горела метка. И крохотные искры силы засияли, засверкали на кончиках пальцев, заставляя вовремя одуматься. Застыть, прижимая руку к груди, неотрывно смотря в лицо младшей сестры.

– Ты что делаешь? Мама, ты видела? Она же собиралась... Силу Лаари нельзя применять во вред. Я... я всё папе расскажу! – вскрикнула Айва.

Я сама была в ужасе от такого всплеска, но и отступить сейчас не могла, впервые готовая бороться до победного конца. Несмотря ни на что.

– Что именно ты хочешь мне рассказать? – спросил отец, возникая в дверях.

Возник так неожиданно, что никто не успел заметить. И реакция на его появление была очень яркой.

– Великий князь, – прошептала мачеха, склонив голову и шагнув в сторону, как раз так, чтобы скрыть дочь от пристального взгляда мужа.

Но Айва не желала прятаться и скрываться. Глупая, еще не понимала, что даже свадьба не спасёт её сейчас от гнева отца.

Соскочив с пьедестала, девушка стремительно обогнула мать, которая не успела её остановить, а следом и меня, вышла вперёд, продолжая сжимать венок мамы в руке, возмущенно протараторив:

– Айвири пыталась использовать против меня силу! Хотела ударить! Ты представляешь? А это недопустимо! Для послушницы это смерть. Я всегда говорила, что она мне завидует... и даже сейчас... в самый лучший день, в самый радостный, – глаза Айвы наполнились слезами, причём самыми искренними, – она пытается его отравить своей ненавистью ко мне. А ты мне не веришь. Почему ты мне не веришь? Не стоило её привозить. Я же просила... ты меня совсем не любишь...

Я, конечно, знала, что сестра не в восторге от моих визитов, но не думала, что до такой степени. Да, сильно я её недооценивала и теперь застыла, ожидая реакции отца.

Она была весьма неожиданной и резкой.

– Что у тебя в руке? – ледяным тоном спросил он, еще сильнее нахмурившись.

Сделал пару шагов вперед и застыл, когда между ними оставалось всего два-три метра.

Слёзы тут же испарились, и сестра закусила губу, внезапно поняв, какой промах в порыве гнева совершила. Венок надо было спрятать за спину или в складках платья, но уж точно не следовало показывать его отцу.

Потому что он помнил.

Я по глазам видела, что отец не забыл его, как и всё то, что возрождало память о первой любимой жене.

– Это... это, – пролепетала сестра, поздно пряча руки за спину.

Это уже не могло ей помочь.

– Я задал вопрос, Айва! Что у тебя в руке? – четко выговаривая каждое слово, произнёс отец.

И я невольно сжалась от тона, которым он это сказал. Никогда не видела князя в таком бешенстве. В те редкие мои визиты он был само внимание и любовь. Ни одного резкого слова или крика. А сейчас я смотрела и не узнавала своего любимого отца.

– Лэр, – попыталась вмешаться мачеха, вновь стремясь

закрыть дочь собой, вызвать гнев на себя.

Такое самопожертвование внушало уважение. Но не могло помочь. Не сейчас.

– С вами, княгиня, я поговорю позднее, – отчеканил он и снова взглянул на младшую дочь. – Как посмела ты взять чужую вещь?

– Отец, – попыталась вмешаться я, но он и мне не дал закончить.

– Позже, Айвири, позже, – произнёс отец, слегка смягчив голос, который снова заледенел, стоило ему обратиться к сестре. – Я всё ещё жду ответа, Айва.

– Он... он всё равно ей не нужен! – выпалила та, покраснев, и тяжело сглотнула, решив идти до конца в своём откровении. – И никогда не будет принадлежать послушнице Лаари!

Отец вздрогнул, и глаза полыхнули такой ненавистью, что пришла моя очередь задвигать сестру за спину, пытаясь оградить от гнева князя.

– Не надо, – прошептала мачеха, побледнев еще больше.

Не знаю, к кому она обращалась, в этот момент я пыталась поймать взгляд отца, удержать, успокоить. И магия тёплой волной хлынула к нему, обволакивая, защищая.

Мы могли не только исцелять тело, но и очистить душу, хотя это было гораздо сложнее и опаснее. Но наше родство помогало мне, давая силы.

Раньше у меня всегда получалось, но не сейчас. Магия

вдруг натолкнулось на препятствие. Отец закрылся от меня.

– Папа, – мягко обратилась к нему я и протянула руку вперёд, словно желая коснуться.

Ведь это должно было помочь, усилить напор.

Он тряхнул головой и сдавленно произнёс с необычайной мукой в голосе:

– Каждый раз, Айвири... каждый твой визит сюда я спрашивал, просил рассказать правду. Сердцем чувал, что тебе здесь плохо. А ты скрывала, молчала, терпела... Почему?

Ответ нашёлся не сразу. Точнее, я не сразу смогла его произнести, теряясь под пристальным взглядом, от которого внутри всё сжалось.

– Потому что так правильно, – произнесла в ответ.

– Что правильно? Что они истязают тебя? Ненавидят и превращают каждый приезд в мучение?

– Этого не было, – возразила я, но он уже мне не верил.

Став невольным свидетелем нашего разговора, отец получил доказательства того, о чём догадывался долгие годы. И всего того, что я так отчаянно скрывала от него, не желая волновать и причинять боль.

– Было, но ты молчала. Почему? Ты моя дочь, Айвири! Ты княжна...

– Нет, – я тут же оборвала отца, произнеся то, о чем молчала все эти годы. – Я не княжна. Да, твоя дочь, но не княжна. Даже официальной записи о рождении нет. Я принадлежу Лаари, с рождения. Но ты... ты единственный, кто не хочет

признавать этого. Думаешь, эти поездки что-то изменяют? Я люблю тебя, очень сильно люблю, но чем дальше, тем сложнее. Айва права. Мне не стоило приезжать – ни сейчас, ни ранее. Давно надо было отказаться, но я не могла... Так что не вини сестру. Она относится ко мне согласно моему статусу.

Все давно приняли моё предназначение. Все родственники, слуги, князя.

Все, кроме него, который не желал отпускать, тянул к себе, причиняя боль всем вокруг.

– Статусу, – прошипел отец в ответ. – Как те княжичи?

Он знал.

Надо было сразу понять, что князь Саир уже всё успел рассказать ему. Но я была так расстроена из-за венка, что обо всём забыла. Вот почему он сюда пришел, почему явился так быстро.

Ох, Лаари, спаси нас грешных, дай силы не натворить бед.

– Это случайность, – отозвалась тихо.

– Случайность? Так, да? Случайность, ставшая закономерностью! Почему ты, как какая-то служанка, была отправлена наводить порядок в зале? Прислуживать собственной сестре? Это случайность? – спросил он, еще больше нахмурившись. И Айва под его взглядом слегка попятилась. – А ведь я строго запретил выходить тебе из покоев. И вы знали об этом, княгиня! Знали, но отправили её туда. Чтобы она попала на глаза князьям? Или ликанам? Ведь ни для кого

не секрет, что её разыскивали. Для чего? Решили потешить своё самолюбие? Поиграть с моей дочерью?

Отец говорил и пристально изучал мачеху, а та застыла, приоткрыв рот, ловя воздух как рыба, выброшенная на сушу.

– Забылись? Так я напомним, кто есть кто в этом замке!

Всё зашло слишком далеко. Надо это остановить. Прямо сейчас, пока еще есть возможность.

– Остановись, – прошептала я, покачав головой, вновь и вновь пытаюсь достучаться до отца.

Не получалось. Закрылся, спрятался за болью и ненавистью. И помочь уже было нельзя. Слишком поздно. Теперь никто не смог бы образумить великого князя.

– Как ты сказала, Айва? – резко спросил князь, вновь взглянув на младшую дочь, которая замерла в испуге. – Она никогда не сможет надеть венки своей матери? Сможет! И сделает это сегодня!

Сестра потрясённо ахнула:

– Нет... пожалуйста, не надо...

– Нет, – значительно громче ответила я. – Так нельзя.

Появление еще одной девушки со свадебным венком на голове – это скандал, позор для невесты. Такое не забудут и не простят. Айва, конечно, виновата, но не стоило наказывать так строго.

– Но ты сделаешь это. Ты наденешь свой самый лучший наряд, Айвири, и выйдешь к гостям. Чтобы все, чтобы каждый из них запомнил, что ты моя дочь, в тебе течет моя

кровь, и никогда не смел сомневаться и тем более оскорблять. Они все ответят за это унижение. Сегодня, Айвири...

– Нет, – снова повторила я. – Этого не будет. Я не выйду.

– Ты, кажется, не поняла. Это не просьба, а приказ, – отрезал князь. Именно князь, а не отец. – Ты получишь те почести, которых достойна.

Как он не может понять, что они мне не нужны.

– Ты заставишь меня?

Он был непреклонен.

– Если это потребуется.

Но сдаваться так легко я не собиралась, решив привести другие аргументы.

– Не надо, если ликаны узнают, что послушница, не прошедшая посвящение, находится в замке, то последует наказание. Не только для тебя, но для всего Иллиума! Пострадают ни в чем не повинные люди! Из-за твоей непомерной гордости.

Говорила и по его глазам понимала, что всё бесполезно.

– О том, что ты послушница, все будут молчать, так что северяне не узнают. Но, как княжна, ты будешь присутствовать на свадьбе!

– Великий князь, одумайтесь, – взмолилась мачеха, наконец совладав с шоком.

– Папа, – зарыдала сестра. – Не надо. Это же... скандал. Родители Мира...

– Узнают правду. Не переживай, этот брак для них слиш-

ком важен, чтобы отказываться от него. Проглотит твой Мир, никуда не денется.

Айва зарыдала еще сильнее, обернулась к матери и тут же попала в её объятия, пытаясь найти утешение.

Венок выскользнул из её рук и беззвучно упал на мягкий ковёр, откуда тут же был поднят отцом.

– Он принадлежит тебе, Айвири, – произнёс великий князь Иллиума, протягивая его мне. – Кем бы ты ни являлась, это вещь всегда принадлежала и будет принадлежать тебе.

Я послушно приняла украшение и снова взглянула на отца.

– Одумайся, папа. Мне не нужно это почтение. Совсем не нужно. А ты идешь на риск, за который будем отвечать все мы.

– Иду. И то, что тебе не нужно всё, знаю. Но ты это получишь. Сегодня.

Глава шестая

Итан Ларкас

– Где тебя сурхи носили?

Джилия подстерегла его у входа в крыло, которое князь Рогнар специально отвёл для ликанов.

Молодая девушка стояла по-мужски: широко расставив ноги и скрестив руки на груди. На пухлых губах играла лёгкая, немного язвительная полуулыбка, не нашедшая отражения в светло-голубых глазах, которые сейчас больше походили на ледники Ардана.

Одета она была непрезентабельно: тёмные свободные штаны, серо-голубая блузка простого кроя с высоким вырезом, украшенная белой вышивкой. Джилия подпоясала её широким поясом чёрного цвета, который делал талию еще уже, а грудь – больше.

Знает ведь, что их пригласили на свадьбу, а всё равно вредничает, язвит, пытается выделиться или вывести его своим непослушанием и дерзкими выходками.

Странные у них отношения. Ведь с детства дружили, в связку сразу встали, даже привыкать не пришлось. С полуслова понимали друг друга, с жеста, взгляда. Именно это делало их семёрку лучшей в Ардане.

А в последнее время отношения не заладились. Ушла лёгкость из общения, которая всегда была им присуща. Джилия

всё чаще дулась, огрызалась по поводу и без, хмурилась, погружаясь в невесёлые мысли.

Временами Итан ловил на себе её пристальный, какой-то злой взгляд. Но стоило обернуться, она тут же отводила глаза и делала вид, что ничего не было.

Ликан пытался с ней поговорить. И не раз, и не два.

Вражда, обиды и злость в связке недопустимы, могут пострадать все.

Когда всё это началось? Три недели назад, когда в особо ожесточённой схватке погиб Наяз? Седьмой в их связке, весёлый обаятельный парень с чёрными как ночь глазами, и замену ему до сих пор так и не нашли. Итан виноват, оттягивал до последнего. Но придётся. Вернётся и выберет.

Джиллия гибель Наяза переживала тяжелее всех. Она потеряла не только друга и товарища, но и жениха.

Или это напряжение возникло еще раньше? Около года назад, когда девушка, неожиданно для всех, ответила на ухаживания черноглазого гризли?

Итан не знал, но скучал по прошлым отношениям, не зная, как их вернуть. И с каждым днём становилось всё сложнее.

В чём причина? Вина Итана в смерти любимого?

Ликан, как ведущий, должен был вытащить из той облавы всех... а он смог выдернуть лишь Блейна, самого тяжелого, понадеялся, что остальные смогут выйти следом, не прове-

рил, бросил...

Так он и сам себя винил. Ночами вздрагивал от кошмаров, в которых видел покрытое льдом застывшее лицо друга с приоткрытым от предсмертного вопля ртом.

Смерть ходила рядом с ликанами, и мужчину никто не винил, кроме него самого.

Незадолго до похода Итан всё-таки отловил Джилию и предложил уйти из связки, поменяться с кем-нибудь другим, желающих было много. Девушка была сильной и опытной.

– Ты мной недоволен? Я что-то сделала не так? Ошиблась, может, где? – процедил она, побледнев.

– Нет. Я доволен. Просто подумал...

– А ты не думай, – оборвала его девушка резко. – Даже не мечтай, Ларкас. Не уйду я. И закончим на этом разговор.

Они закончили, а напряжение осталось. Дошло до того, что Итан стал сам избегать девушки.

– А ты чего такой довольный? – вдруг спросила Джилия, прищурившись и внимательно вглядываясь в его лицо.

– Чего мне быть недовольным? Всё вроде тихо, спокойно, – отозвался мужчина, проходя внутрь и стряхивая прозрачные капельки влаги с опушки плаща. – Завтра сбор начнём, вот где нервничать надо.

Девушка была вынуждена чуть посторониться, пропуская его вперёд.

– Нашёл-таки, – вдруг зло выпалила она ему в спину.

Итан медленно обернулся и смерил её внимательным взглядом.

– Кого?

– Да девку ту лесную. Можешь не говорить, по глазам вижу, что нашёл. И как? Поймал, завалил?

Зверь внутри гневно рыкнул, и её кошка застыла, замерла, мелькнув в глубине полных какой-то отчаянной боли глаз. Джилия со скрипом стиснула зубы, отступая на полшага, едва не налетев бедром на одну из деревянных колонн, которые держали свод в просторной передней, уставленной лавками и дубовыми столами.

– Не забывайся, – едва слышно отозвался Итан, но она дрогнула от силы голоса ведущего, опустила взгляд, признавая его силу и власть.

– Прости.

Пара секунд, чтобы утихомирить зверя, который никак не желал прощать оскорбления. Кошку следовало наказать, никто не смеет такое говорить о паре ликана. Никто и никогда.

– Что случилось? – спросил Итан, отступая и увеличивая расстояние между ними, чтобы не чувствовать запаха страха и боли, которые волнами шли от Джилии.

Это сильно мешало сосредоточиться и обуздать зверя.

– Блейн со вчерашнего вечера заперся у себя. И никому не открывает.

Серый в последнее время становился всё более раздражительным и нелюдимым, часто отмалчивался и закрывался.

Да, хороша у них связка, ничего не скажешь. Прав был отец, что отправил сюда. Надо было расслабиться хоть немного, прийти в себя, восстановить утерянное со смертью Наяза единение. Только выходило плохо. Чем дальше они от Ардана, тем сложнее становилось.

– Феб говорит, его рана беспокоит, – продолжила Джилия, рискуя поднять на мужчину взгляд.

А вот это уже серьёзно.

Итан дёрнулся, чуть наклонив голову вниз, словно приносясь или прислушиваясь.

– Галия же говорила, что всё нормально.

– Ты на меня не зыркай, – отозвалась девушка, отступая к одной из длинных лавок, что стояли у стены, и тяжело приземляясь на неё. – Я диагнозы ставить не умею. Да, говорила, а Феб другое утверждает. Что вчера в саду Блейну хуже стало. Он рядом был, почувствовал. Мы все отголоски ухватили.

Ухватили. Итан помнил, как кольнуло ледяной иглой сердца, но решил... сам не знает что, подумал – ошибся. Здесь, так далеко от Ардана, в окружении вечного лета, так не хотелось вспоминать холодный дом и демонов.

– Галия его осматривала?

– Да что эта полудохлая может. Они все спят и видят, как бы вернуться в свои застенки и молитвы Лаари шептать, – огрызнулась девушка, уже окончательно придя в себя.

Галию она тоже не простила.

Израсходовав силы на Блейна, целительница так и не смогла вытащить Наяза. Да никто бы не смог. Демоны уже сделали своё дело. Когда целительница добралась до тела, искра уже погасла. Но Джилия всё равно не могла простить.

– Прояви уважение, – произнёс Итан, не слишком настаивая. – Тебе отлично известно, как они пострадали этой зимой. Набеги участились, и работы целительницам прибавилось. Они и так почти выгорели.

– Или просто нам стали поставлять бракованных девиц.

– Джилия...

Девушка отмахнулась, вытягивая ноги и прислоняясь спиной к стене.

– Не смотрела твоя Галия Блейна. Никто не смотрел. Говорю же, заперся в комнате, никого не пускает.

– Она не моя, – зачем-то возразил Итан, задумчиво потерев подбородок. – Я с ним поговорю. А ты пришли ко мне одну из девушек.

– Которую?

– У которой сил побольше осталось.

– А разве такие у нас есть? – горько усмехнулась Джилия.

– Ты поищи, – попросил Итан и повернулся к лестнице, напоследок бросив: – И переоденься. Церемония скоро.

– Мне и так хорошо! – крикнула она ему в спину.

– А должно быть ещё и красиво, – поднимаясь по ступенькам, отозвался ликан. – В Иллиуме другие порядки, Джил, не стоит их так сильно шокировать. Нам и без того не слыш-

ком рады.

– А нам нигде не рады. Хотя именно благодаря нам демоны ещё не пробрались через заснеженные горы, – пробормотала девушка, не сводя тоскливого взгляда с удаляющегося мужчины.

Он так ничего и не понял.

Ни тогда, ни сейчас.

Итан поднялся на второй этаж, свернул направо и замер на мгновение у комнаты Блейна. Изнутри не доносилось ни звука, но мужчина знал, что Серый не спит. Это проклятье и благодать – чувствовать каждого из связки практически так же ярко, как и себя.

Три месяца назад Итан едва не сдох, когда вместе с отцом ставил заглушки всем шестерым. Уж слишком ярким было чувство потери. Смерть Наяза и ранение Блэйна не прошли бесследно, усиливая собственные эмоции в несколько раз.

И теперь всё начиналось снова.

Прижав руку к тёплой поверхности двери, ликан улавливал раздражение, боль и... холод. Он был таким ярким, что заколол на коже, опалил стужей ладонь. Мужчине пришлось приложить усилие, чтобы не отдёргнуть руку и не отпрянуть.

Здесь, в стране вечного лета, стужа казалась настоящим святотатством.

Выходит, всё намного сложнее, чем они думали и даже могли предполагать.

Мотнув головой, Итан опустил руку и отступил.

Не сейчас...

Сначала надо было подготовиться. Поговорить с Галией. Жизнь показала, что поспешность не всегда благо.

Войдя в свою комнату, он закрыл дверь и бросил плащ на спинку высокого стула, который стоял в углу, на ходу стал стягивать через голову рубашку. Она упала поверх плаща, не удержалась и соскользнула вниз, касаясь рукавом пола.

Обнаженный по пояс, Итан подошёл к большому тазу с прохладной водой, который ещё утром поставили слуги, и, шумно плескаясь, умылся, ополоснув шею и грудь.

После чего мужчина, даже не подумав вытереться, подошёл к арочному окну и выглянул наружу.

Дождь становился всё сильнее, а гостей – всё больше. Они подъезжали на крытых повозках к самому входу в замок, выпрыгивали, стараясь как можно быстрее оказаться в сухости и тепле. Шум и голоса стали громче, даже с такого расстояния было слышно, как гости готовятся к свадьбе дочери князя.

Завтра... завтра рано утром, как только отгремят праздничные поздравления, а время сбора не наступит, Итан поговорит с князем.

Конечно, так легко дочь, пусть даже нагулянную, Рогнар не отдаст, но Ларкас найдет слова. Есть вещи, против которых даже князь ничего сделать не сможет. Отмеченная зверем девушка принадлежит ликану. Но это в Ардане. Здесь всё сложнее. Законы Лаари непреложны.

Да, сначала придётся туго. Северный климат тяжел для других, но, он верил, что Айвири сильная, стойкая, крепкая, она выдержит. На первое время можно попросить у отца кристалл. Он не откажет. Пара – такая редкость, что антур не сможет отказать. А кристалл если уж целительниц вытягивает, то и Айвири поможет.

Но не это тревожило сейчас молодого ликана. Если понадобится, Итан готов был горы свернуть, перевернуть весь мир, но сделать так, чтобы девушка была счастлива рядом с ним. Лишь бы согласилась... лишь бы ответила.

С людьми всё сложнее, они не чувствуют пару так ярко, как ликаны. Потом, спустя какое-то время, и к ним придёт всё это, но ждать больше они не могли.

Заставлять её Итан не стал бы. Он вообще ничего не мог сделать против воли девушки. Сама того не подозревая, Айвири может вертеть сыном антура как хочет. Любое её слово, любое желание будет выполнено, каким бы сумасшедшим оно ни было.

Раньше эта зависимость и отсутствие воли пугали. Привыкший быть впереди и распоряжаться другими, мужчина даже представить не мог, каково это – вручать свою жизнь и судьбу в руки своей половинки.

Но сейчас дискомфорта и тем более ужаса он не испытывал. Как и сомнений. Это она. Точно она. Одной встречи было достаточно, чтобы понять это и почувствовать.

До окончания сбора меньше недели. Пара дней для того,

чтобы убедить Айвири уехать с ним, навсегда оставив привычный мир и радость лета.

Невозможно?

Не для сына антура.

Итан был полон решимости завоевать сердце своей пары. Чего бы это ни стоило.

Стук в дверь вырвал его из раздумий, заставив резко повернуться и бросить:

– Открыто.

– Нам нужно поговорить, Итан, – решительно произнесла молодая девушка с огромными карими глазами и длинными чёрными волосами, которые были гладко зачёсаны и собраны в косу, что она уложила вокруг головы. – И прямо сейчас.

– Здравствуй, Галия.

Мужчина схватил рубашку и наспех надел на тело, просунув голову в широкий воротник, а руки в манжеты. Заправлять в штаны не стал, так и оставил.

Находиться рядом с девушкой без одежды было неловко, словно в глаза Лаари смотреть, хотя Галия сделала вид, что ничего не произошло. Даже глазом не моргнула, продолжая стоять в дверях и сжимать ручку.

– Прости, если помешала, – произнесла она запоздало, заметив его неожиданное смущение. – Но ты сам сказал, что можно войти.

– Нет, не помешала. Я рад, что ты пришла, – отозвался ликан, жестом приглашая войти и расположиться. – Прохо-

ди, присаживайся.

Галия кивнула, закрывая дверь, но присаживаться не стала, так и оставшись стоять тёмной тенью. Хрупкая, невысокая, в тёмно-синем платье с глухим чёрным воротничком.

Они ненавидели белый цвет. Белый и красный. Навеки полюбив чёрный. Он скрывал всё, помогал забыться и стереть из памяти заснеженный Ардан.

– Тебе уже сказали? – спросила целительница.

– Про Блейна? Да. Сказали.

– Рана открылась.

Итан нахмурился, вглядываясь в бледное лицо девушки.

– Ты уверена? Успела осмотреть? – быстро спросил мужчина.

Целительница покачала головой, пояснив:

– Он не дался, заперся в комнате.

– Откуда такие выводы, если ты его даже не видела?

– А что же иначе могло случиться? Феб рассказал мне о холоде.

– Ты отлично знаешь Феба, – не очень уверенно произнёс ликан.

Оправдание звучало глупо, он и сам это чувствовал. Но и верить в такое было сложно.

– Знаю, – перебила его девушка. – И ты тоже. Ни Феб, ни кто-то другой не стал бы лгать и преувеличивать. В любом случае, даже не рассказав, мы бы всё поняли. Мы чувствуем его, Итан, и тебе отлично это известно.

– А если...

– Ошибиться невозможно, – отрезала Галия, махнув рукой и убирая короткие прядки, выбившиеся из косы, за ушко, провела ладошкой по плечу и опустила её, огладив руку. – За этот проклятый год холод до костей пронзил наши тела, въелся в кожу... Мы нутром его чуем. Даже сейчас, когда сил почти не осталось.

– Ты же сама сказала, что Блейну ничего не угрожает. Что поездка на юг поможет ему восстановиться, – заметил мужчина, потирая вдруг занемевшую шею.

– Я помню, что говорила. И я сама три недели назад лично заблокировала иглу, – немного резко ответила Галия и вздрогнула, когда тело покрылось мелкой дрожью, возвращая её назад. В те жуткие часы, когда она сама едва не отправилась к Лаари, пытаюсь спасти одного твердолобого ликана. – Но ты помнишь, каким тяжёлым было ранение. Чудо, что вообще удалось вытащить тогда. Ведь никто не верил.

Итан помнил. И то, как почти потерял лучшую целительницу, которая так погрузилась в боль раненого, что чуть не ушла за ним следом.

– И что теперь делать?

– Не знаю, – вздохнула целительница. – Я надеялась, что мы успеем прибыть в обитель, там его осмотрят, но... В сложившейся ситуации я не уверена, что мы его довезём, – закончила девушка тихо.

– Если так, то должны остановить распространение, – про-

изнёс Итан, разворачиваясь к окну, чувствуя исходящую от проёма прохладу, запах дождя.

Он никогда не думал, что дождь может так пахнуть.

У них был лишь снег... снег, и только.

Сколько радостей демоны лишили их! И чего еще лишат в будущем.

– Что ты задумал? – спросила девушка, встревоженно вглядываясь в его профиль.

– Не знаю, – честно признался мужчина. – Для начала надо войти внутрь и обследовать его. Ты сможешь? – спросил ликан, вновь разворачиваясь к ней.

Галия неловко пожала плечами.

– Не уверена, что смогу что-то сделать. Ты же знаешь, я почти пуста.

– Знаю. И что тогда? Войти к нему, схватить и свернуть шею?

– Зачем ты так? – отшатнувшись, произнесла она, отводя взгляд.

Да, жестоко. Слишком, но лучше так.

– А как? Ты отлично знаешь, что будет дальше. Если рана открылась, то игла пришла в движение и начала свой путь, отравляя сознание. Это не Наяз – Блейн один из старших ликанов, он не умрёт просто так. Он утянет за собой остальных.

– Это лишь предположение. Я не могу ничего утверждать, пока он не будет обследован.

– Кем? Если ты и другие слишком измучены холодом Ар-

дана.

– Я взяла на себя смелость и пригласила целительниц, – быстро произнесла Галия. – Не смотри так на меня, Итан. Да, я знаю, что должна была сначала посоветоваться с тобой, вы не любите чужаков. Но сейчас не время привередничать. Я не могла представить, что холод проявится за границей Ардана. На землях Иллиума.

Он понимал её, но Галия права: сначала надо было посоветоваться.

– И что?

Ободрённая девушка быстро ответила:

– Здесь, в окрестностях замка князя, есть три целительницы. Все они отозвались на призыв и скоро придут... Если ты позволишь...

– Князь знает? – перебил её Итан.

– Нет.

– И не должен знать. Не стоит пока нервировать, особенно сегодня, в день свадьбы. Единственную дочь замуж отдают.

Галия внезапно отвернулась, поправляя воротник тёмного платья, пробормотав:

– Да... единственную дочь. Что будем делать? Его же нельзя оставлять.

– Для начала надо успокоиться. Никакой паники. Всё можно исправить. Мы не доведём до крайности. Попробуй достучаться до Блейна. С тобой он другой, – задумчиво произнёс Итан, потирая переносицу. – Дождитесь других цели-

тельниц. Я даю разрешение на то, чтобы они его осмотрели.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась девушка.

– А мне с Джилией и Калобом надо будет посетить свадьбу. Феб останется с тобой. Не стоит волновать высокое семейство.

Галия кивнула, вновь поднимая на него полные затаённого страха чёрные глаза:

– Ты думаешь, у нас получится?

– Уверен, – кивнул ликан и повернулся к окну.

Сквозь шум дождя послышался тихий звон колокола.

– Пора собираться. Торжество вот-вот начнётся.

Глава седьмая

Мой наряд был красивым и страшно неудобным. Он состоял из трёх частей. Сначала была нижняя юбка из тёмно-синей ткани, край которой виднелся из-под длинной голубой туники, цвет которой плавно переходил от тёмного к светлому, белея на груди. Поверх – белый кафтан из бархатной ткани с толстым кантом и широкими рукавами, украшенный вышивкой из серебряных нитей.

Белый и голубой – родовые цвета Иллиума.

Длинные волосы, распущенные и причёсанные до блеска, гладкими волнами падали на плечи. На висках – тонкие косички, собранные на затылке. А на голове – свадебный венок из драгоценных камней.

Тонкие пальцы унизаны дорогими перстнями, на груди – тяжелое ожерелье, словно ошейник стянувшее шею. Мочки ушей ныли от тяжелых серёг, которые были такими длинными, что почти касались плеч.

Служанка подвела мои глаза чёрными красками, затенила веки тёмно-синими порошками, губы украсила алой помадой. Она даже кожу мою немного отбелила.

Из высокого, в пол, зеркала на меня смотрела молодая княжна. Красивая, гордая и такая чужая.

Осторожно ступая в неудобных башмачках, расшитых стеклянными бусинами, я подошла к нему и коснулась поду-

щечками пальцев гладкой прохладной поверхности.

– Какая вы красивая, лэра, – щебетала Ану, молодая служанка, кружась вокруг меня. То и дело замирая для того, чтобы поправить ткань платья, уложить на место выбившуюся из прически прядь волос. – Нарядная. Настоящая княжна.

Я кивнула, продолжая вглядываться в собственное отражение, пытаюсь найти в глубине хоть какие-то эмоции на это неожиданное преобразование. Ведь именно такой я должна была родиться. Но ничего, кроме неловкости, не находила.

Наряд был не только неудобным, но еще и очень жарким. По спине уже тонкой струйкой бежал пот, усиливая и без того неприятные ощущения.

Не чувствовала я себя княжной. Даже сейчас. Большую часть своей жизни я прожила в монастыре, где царили совсем иные порядки и законы.

– Дай мне воды, – попросила я, отворачиваясь от зеркала. Девушка тут же бросилась исполнять, через пару секунд протягивая мне стакан с прозрачной жидкостью.

Я сделала два глотка и вернула ей, тут же направляясь к окну.

Над княжеским двором вновь пронёсся звон колокола.

– Уже пора выходить, – заметила Ану, замерев у меня за спиной.

– Я слышу, – отозвалась я и внезапно нахмурилась, хватаясь за подоконник и вглядываясь в невысокую фигурку пожилой женщины, которая, несмотря на свой весьма почтен-

ный возраст и мелкий противный дождик, двигалась весьма проворно.

На ней был тёмно-серый плащ с капюшоном, скрывающим черты лица. Но видеть лицо мне было и не нужно. Я сразу узнала её по движениям, по тому, как она опиралась на старую изогнутую клюку.

Ведь именно старая Нэнни обучала меня первые девять лет жизни до моего отъезда в обитель. Именно на неё рассчитывал отец, мечтая, чтобы после посвящения я пошла к ней в помощницы, поселившись рядом с домом. Хотя это было строго запрещено законом.

– Кто-то заболел? – спросила я, не оборачиваясь.

А старая Нэнни, застыв во дворе, вдруг сменила направление и поспешила прочь и скрылась за поворотом, отправляясь к дальнему крылу. Насколько мне известно, именно там и разместились ликаны.

– С чего вы взяли?

– Я видела старую Нэнни.

– Целительницу? – удивлённо переспросила Ану, рискуя подойти ближе и тоже выглянуть в окно.

Но старушка уже скрылась из глаз.

– Да, – сказала я, отступая. – Что-то случилось?

– Мне это неизвестно, – искренне ответила девушка.

Значит, не в самом замке, иначе слухи бы быстро распространились. У ликанов. Интересно, а отец знает?

– Неважно, – отмахнулась я. – Уже пора.

Ану проводила меня длинными узкими коридорами, которыми пользуются слуги, к дверям главного зала, специально, чтобы меня никто не увидел раньше времени. Об этом тоже распорядился отец. Он хотел, чтобы моё появление было фееричным и запоминающимся.

Из-за дубовых дверей фальшпанели доносились голоса, лёгкая музыка, сквозь щели лился свет. Подойдя еще ближе, я перевела дыхание, пытаясь хоть что-то разглядеть.

Все двадцать девять князей собственной персоной, высшая аристократия Иллиума... ликаны.

С трудом, но мне удалось рассмотреть уже знакомую троицу северных воинов, которые сидели чуть в стороне. Словно почувствовав мой взгляд, сероглазый вдруг дёрнулся и повернул голову, внимательно осматривая зал.

Мне стоило больших усилий, чтобы не отшатнуться и не отступить.

Нет, пока он меня не видит, так что шараться и смысла не было.

Мне всё еще хотелось верить, что отец одумается. Что это была всего лишь угроза, чтобы приструнить сестру и мачеху. Он не мог так жестоко поступить с дочерью, которую несмотря ни на что любил.

Колокола прозвонили в третий раз, и гости стихли, поворачиваясь к алтарю, у которого рядом со жрецом стояли жених и князь Иллиума. За его спиной бледной тенью замерла княгиня и родители Мира. Я видела их всего два раза, но

сразу узнала.

– Света и жизни! – торжественно провозгласил отец.

И зал вздрогнул от ответного единого приветствия гостей:

– Жизни и света!

– Сегодня торжественный день для всего Иллиума. Моя дочь выходит замуж. И я благодарен, что вы прибыли со всех уголков нашего мира, чтобы разделить эту радость со мной.

Послышались аплодисменты.

Гости расположились поудобнее, ожидая появления невесты и самого ритуала. Но у отца были другие планы.

Я видела, каким решительным блеском загорелись его глаза, и прикусила губу, поняв, что князь Рогнар пойдёт сегодня до конца.

– Прежде чем мы приступим к торжеству, я хочу, чтобы вы поприветствовали еще одного члена княжеской семьи Иллиума. Ту, о которой все эти годы было принято лишь шептаться. Ту, которую скрывали и незаслуженно забыли. Но, несмотря ни на что, она остаётся моей дочерью. Старшей дочерью! – произнёс отец, пристально глядя на дверь, за которой, затаив дыхание, стояла я. – Прошу поприветствовать. Княжна Айвири!

И створки двери в этот момент мягко распахнулись. Скорее всего, слуги, стоящие за ней, открыли, но для меня это стало неожиданностью.

Я зажмурилась от слишком яркого света, задрожав от неожиданного всплеска шума, сменившегося шепотками,

которые смолкли в следующее мгновение.

Открыв глаза в резко наступившей тишине, я застыла перед сотнями удивлённых взглядов, смотря лишь на отца, который спешил ко мне по небольшому проходу.

О нет! Нет! Только не это!

Отец должен сопровождать к алтарю невесту, а не её сестру.

Только так, и никак иначе.

Я оступилась, пошатнувшись на неудобных туфлях, больше всего мечтая сбежать, скрыться с глаз, уйти и забыть всё как страшный сон.

Но князь уже рядом. Замер, требовательно протягивая руку и произнеся моё имя:

– Айвири.

Я смотрела ему прямо в глаза, когда нерешительно вкладывала ладошку. Жалобно, умоляюще.

Остановись... остановись...

Лёгкий шёпот прошёлся по залу и почти сразу затих.

Меня узнали, не забыли, но причин произошедшего не понимали. Правда, не все. Были те, кто осознавал, что стало причиной такого риска.

Я мельком увидела побледневшего принца Аймата, который, не отрываясь, смотрел на меня, шевеля губами.

Узнал. И теперь не представлял, как выпутываться из сложившейся ситуации. И не только он. Где-то в зале сидели его дружки, и они меня тоже узнали.

Расстояние до алтаря было небольшим, но оно показалось мне бесконечным. Каждый шаг был мучением, а от напряжения сводило мышцы.

– Остановись, – прошептала я одними губами в то короткое мгновение, когда стояла к зрителям спиной.

– Нет, – так же беззвучно отозвался отец, даже не думая скрываться.

И развернул меня к толпе.

– Моя старшая дочь Айвири! – вновь провозгласил князь Рогнар, обнимая за плечи.

Слишком крепко, болезненно, словно боялся, что я сбегу. Зря старался. Я послушно стояла, обводя невидящим взглядом зал.

– Света и жизни, – тихо произнесла, приветствуя гостей.

Но в наступившей тишине мой голос прозвучал неожиданно громко.

– Жизни и света, – нестройным хором ответили мне.

Напряжение повисло в зале. Великие князья молча переглядывались, бросая осторожные взгляды в сторону ликанов. Рискнула посмотреть на них и я.

Блондинка уже пришла в себя и смотрела на меня с таким презрением, что сердце ёкнуло. Знакомый силач лишь ухмылялся, неторопливо поглаживая кустистую бороду.

И только потом я взглянула на сероглазого. Он смотрел на меня... с интересом и любопытством. Ни гнева, ни шока я не уловила.

Да, он знал, чья я дочь. Но, слава Лаари, не понял, почему отец скрывал меня ото всех. Наверняка мужчина уже нашёл ответ на этот вопрос, придумал что-то логическое. Но уж точно не понял, что я послушница богини.

Я поправила рукав платья, сильнее натягивая его. Метка была надёжно скрыта, но страх никуда не делся. Я не могла допустить даже возможности того, чтобы правда открылась.

– Что ж, пора начинать, – произнёс отец, давая знак жрецу.

А я смогла вздохнуть свободно.

Как оказалось, зря. Испытания на этом не закончились.

Мне следовало встать за спину мачехи и там стоять оставшуюся часть торжества, но у отца на это были другие планы.

Зазвучала музыка, и двери во дворик распахнулись. Там под широким пологом стояла Айва, сжимая в руках букет незабудок.

Стояла, нервно осматриваясь, и даже фата не могла скрыть бледной улыбки, застывшей на её лице, когда она смотрела на князя в ожидании, что вот сейчас он шагнёт навстречу, пройдёт по ковровой дорожке, возьмёт за руку и отведёт к жениху. Как того требовали обычаи.

Но время шло, а отец продолжал стоять рядом со мной.

– Остановись, – уже в который раз шепнула я, с жалостью смотря на сестру, которая всё никак не могла поверить, что он её бросил.

Сейчас.

Да, эта свадьба надолго запомнится. Мало того, что по времени попала на великий сбор, так еще и все традиции были порушены.

– Она сполна почувствует то, что испытывала ты эти годы.

– Ненависть порождает ненависть.

– Это моё слово...

За спиной зашевелилась мачеха, но тут же была остановлена коротким и резким окриком:

– Стой.

И Айва сделала первый шаг. Под насмешливыми взглядами сотни гостей девушка медленно брела вдоль рядов, до крови кусая губы. Оставленная семьёй, брошенная отцом, который при всех отказался от неё.

– Не надо, – выдохнула я, порываясь встать рядом.

Поддержать, проводить невесту в новый дом, как того требовали обычаи. Ведь не будет молодым счастья без благословения. Это все знали. И задетая гордость – не повод так поступить с ней. Никто не заслуживает такого.

Но князь слишком крепко сжимал меня за плечи. А вырваться я не стала. Всё и так было слишком сложно.

Айва уже подошла к алтарю, застыв рядом с женихом и не зная, что делать дальше. Это отец должен был вложить её руку в руку жениха, обвязать лентами. А он продолжал стоять у меня за спиной.

– Прошу, – простонала мачеха сзади. – Ты и так достаточно унижил нас...

– Не достаточно...

Не знаю, откуда взялись силы. Или, может, дело в даре, который вдруг вспыхнул, отозвался в каждой клеточке окаменевшего тела, слегка оттолкнул отца. Не больно, но от неожиданности он дёрнулся, ослабляя хватку. А мне и этого было достаточно, чтобы вырваться.

Два шага, и вот я уже возле сестры.

Стремительно взяла её за влажную ладонь и подвела к застывшему Миру, лицо которого сейчас больше напоминало маску. Неподвижное, безэмоциональное.

Простит ли он невесте такое унижение?

На Айву сейчас тоже страшно смотреть. В потухших глазах не отражалось ничего. Ни ненависти, ни благодарности.

Прости его, Лаари, ибо не ведает, что творит.

– Я, Айвири, – начала я немного дрожащим голосом, поворачиваясь к алтарю, – дочь дома Иллиума, вверяю судьбу своей сестры в руки Мира из дома Телайн. И благословляю союз от имени нашего дома.

Дрожащими пальцами, соединила их руки и быстро обвязала лентой, поднимая глаза вверх. Туда, где на небольшом постаменте стояло каменное изображение богини.

– Прошу защиты для молодой семьи. Храни их, великая Лаари, – закончила я и сглотнула, когда внезапно по залу пронёсся легкий ветерок.

Он потревожил вуаль, сорвал лепестки роз, и они, кружась в причудливом танце, опустились на головы молодым,

словно кто-то осыпал их.

Изумлённый вздох гостей и широкая улыбка жреца, который одобрительно взглянул на меня, застывшую между ошарашенными молодыми.

– Богиня благоволит вам, дети. Её одобрение сложно получить.

Лёгкий ветерок коснулся моих покрасневших щёк, обдавая ароматом дождя и роз, а в голове словно послышался насмешливый голос: *«Довольна?»*

Отпустив их руки, я с поклоном отступила, сама до конца не веря в то, что всё происходит наяву, шепнула едва слышно:

– Спасибо...

И только после этого рискнула взглянуть на отца.

Я многое ожидала увидеть в его глазах. Злость, недовольство, презрение или, может быть, разочарование. Но чего я точно не ожидала, так это страха. И пусть это чувство мелькнуло во взгляде всего на долю секунды, но оно было таким ярким, что я невольно замерла, вглядываясь и пытаюсь понять, что стало причиной.

Почему страх? За кого?

За младшую дочь, которую он, несмотря на все мои страдания, обрёл на унижение? Потому что его выходку Айве не простят и не забудут. Да, Лаари благословила молодых, но не отец. Его благословение сестра так и не получила. Конечно, еще не поздно и он может сделать это после церемонии. Но

лучший момент всё равно был упущен.

Думал ли князь, какому унижению подверг не только её, но и всю семью жениха? Влиятельная семья Иллиума, которая пусть и не стояла на одной ступеньке с княжеской, но занимала высокое положение. И, вполне возможно, вместо союзника отец сейчас получил врага. И это князь Рогнар, который всегда отличался здравомыслием и взвешенными поступками.

Одна ошибка может так много стоить.

Или, возможно, страх в его глазах из-за меня? Что зашёл слишком далеко и вот-вот ликаны догадаются о том, что я не просто дочь, а послушница, которая, вопреки правилам и законам, продолжает вот уже одиннадцать лет приезжать в отчий дом?

Одиннадцать лет. Большая часть моей жизни проведена во лжи и обмане, в страхе, что вот-вот всё раскроется. Я могла понять отца, но не настоятельницу. Почему она позволила? Как рискнула пойти против воли богини в угоду одному из тридцати князей?

Какой бы высокий пост он ни занимал, это не имело значения. Обитель всегда стояла особняком от остальных княжеств, и никто не имел права вмешиваться в её деятельность. Давать указания или требовать что-нибудь. В крайнем случае – попросить.

Но тогда почему настоятельница согласилась на просьбу отца? Я ведь никогда её не спрашивала. Наверное, боялась,

что поездки прекратятся. Но сейчас мысленно дала себе слово, что, когда вернусь, обязательно спрошу. Чего бы мне это ни стоило.

Заминка длилась всего секунду. Я шустро обошла отца, встав на законное место позади мачехи, и смогла перевести дыхание.

Я не ждала одобрения княгини или благодарности. Не для этого было всё сделано. Мне всё равно, поблагодарят они с Айвой меня за вмешательство или, наоборот, свалят всю вину за произошедшее.

В сложившейся ситуации нет правых, виноваты все.

Давно следовало что-то изменить, но я предпочитала прятаться и скрывать от всех истинное положение дел. Играла в жертву? Да, наверное, так и есть. Из года в год еще больше усугубляя ситуацию.

Честно говоря, следовало сразу отказаться от этих поездок в Иллиум. Тогда все были бы счастливы. Исчезла бы эта ревность и ненависть.

Надо было. Но я слишком любила отца.

Далее обряд прошёл без осложнений. Ритуальные слова и песнопения, молитва Лаари, кубок вина, что молодые пригубили по очереди. Острие ножа с капельками крови. Робкая улыбка Айвы, которая сейчас выглядела такой нежной и воздушной. Счастье в её глазах, такое яркое, настоящее, светилось так, что хотелось зажмуриться.

Завидовала ли я ей? Никогда. Но сейчас что-то такое

непонятное, тяжелое сдавило грудь. У меня ведь никогда не будет так.

И если раньше, до этого момента, я была горда своим предназначением, то сейчас, всего на секундочку, вдруг стало тоскливо.

Это чувство пришлось быстро прогнать. Нельзя сомневаться в своём предназначении. Тем более что это ничего не изменит. Моя жизнь принадлежит Лаари и этому миру. И точка.

Оторвав взгляд от молодых, которые в этот момент проносили священные фразы вслед за жрецом, я бегло оглядела гостей. Вроде бы всё хорошо. Все, кажется, уже забыли о том, что было в начале. Но это только видимость.

Запнулась я лишь на мгновение, когда встретилась с внимательными дымчато-серыми глазами. Ликан, в отличие от остальных, смотрел только на меня. Практически не мигая, пристально. И щеки вновь вспыхнули румянцем, и этот жар отозвался в груди непонятным томлением.

Нет, так нельзя! Завтра же утром отправлюсь в обитель. И неважно, дождь ли будет или настоящий потоп. Оставаться в замке мне больше нельзя. И так по грани ходим.

Настоятельница всегда говорила, предостерегая нас, что Лаари каждой из послушниц даёт своё испытание, искушая перед посвящением, и наш долг – выстоять. Этот ликан был моим личным испытанием.

Зал взорвался аплодисментами, что привело меня в чув-

ство. Церемония завершилась. Пора было поздравлять новобрачных.

Пользуясь толкотней, я незаметно, бочком, продвинулась к выходу, скользнула за вуаль и поспешила прочь из зала.

Всё, хватит! На сегодня моя роль любимой дочери завершена. Для всех.

Судьбу больше испытывать я не собиралась.

Глава восьмая

Подхватив подол неудобного наряда, быстро вышла в длинный коридор, прошла мимо спешащих и снующих туда-сюда слуг, у которых осталось совсем немного времени перед тем, как важные гости хлынут из зала и начнётся главный пир.

– Всё в порядке, лэра? – спросила одна из девушек, встав у меня на пути.

Её голубые глаза смотрели на меня с тревогой.

– Да, да, всё отлично, – натянуто улыбнувшись, ответила ей и поспешила дальше.

Возвращаться в покои желания не было, опять придётся брести по длинным коридорам у всех на глазах. Да и не хотелось мне в эту золотую клетку. Никуда не хотелось. Все силы словно разом оставили.

Воздух... Мне нужен воздух. Прямо сейчас.

Рванула в сторону. Как раз туда, где был один из трёх выходов на широкую террасу под большим навесом.

Всего пара минут, и я выскочила из замка, застыла, вдыхая свежий влажный от дождя воздух, закрыв глаза.

Как же хорошо. Аромат сырой травы, земли, цветущих трав. Всё это успокаивало, убирая ниоткуда возникшую головную боль.

Как же устала от всего. И хочу назад в обитель. Туда, где всё легко и просто, когда не приходится скрываться и бояться неосторожного жеста или звука. Надо же, эта пара дней превратила меня в нервную особу, вздрагивающую от каждого звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.